

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра уголовного права и процесса

Заведующий кафедрой
канд. юрид. наук, доцент
В.И. Морозов

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистра

**ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ**

40.04.01 Юриспруденция

Магистерская программа «Уголовное право, уголовный процесс»

Выполнила работу
студентка 3 курса
заочной формы обучения

Дисенбаева Айжана Канатовна

Научный руководитель
канд. юрид. наук,
доцент

Морозов Виктор Иванович

Рецензент
Председатель Президиума
НО «Тюменская межрегиональная
коллегия адвокатов»

Сыпачев Юрий Иванович

Тюмень
2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОРРУПЦИИ КАК ОБЪЕКТА УГОЛОВНО–ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	6
1.1. СУЩНОСТЬ КОРРУПЦИИ КАК СОЦИАЛЬНО–ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ	6
1.2. РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО–ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....	20
1.3. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТАХ, РАТИФИЦИРОВАННЫХ РФ	32
ГЛАВА 2. ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНО–ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ	40
2.1. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО–ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА.....	40
2.2. ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО–ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ.....	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	65

ВВЕДЕНИЕ

Развитие государства сопровождается множеством трудностей, например, с каждым годом преступления, связанные с коррупцией, охватывают все более широкий круг общественных отношений, затрагивая государственные структуры и все институты гражданского общества. Следует отметить, что все мировое сообщество столкнулось с проблемой коррупции. Принижая правовые нормы регулирования каждого государства, коррупция угрожает национальной безопасности, уничтожая даже признаки демократии. Кроме того, она создает барьер для позитивных социальных преобразований, деформирует экономический порядок и разрушает политическую систему.

Международное антикоррупционное движение Transparency International опубликовало Индекс восприятия коррупции (CPI) за 2019 год. Как и в предыдущем году, Россия набрала 28 баллов из 100 и поднялась на одну позицию выше, заняв 137 из 180. Такое же количество набрали Либерия, Ливан, Мавритания, Папуа-Новая Гвинея, Парагвай и Уганда. Индекс восприятия коррупции (ИПЦ) - это составной индекс, который измеряет уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран. Он основан на опросах экспертов и предпринимателей, проводимых независимыми организациями по всему миру, и публикуется ежегодно с 1995 года. Можно сравнивать результаты ИПЦ за разные годы, начиная с 2012 года. Страны оцениваются по шкале от 0 до 100, где ноль - самый высокий уровень предполагаемой коррупции, а сто - самый низкий.

В последние годы положение России в ИПЦ остается стабильным. С 2015 по 2017 год она набрала 29 баллов, в 2018 потеряла 1 балл, а в 2019 показатель не изменился. Более существенные изменения произошли в позиции России в рейтинге: в 2015 г. - 119-е, в 2016 г. - 131-е, в 2017 г. - 135-е, в 2018 г. - 138-е. Эти колебания связаны не только с изменениями в рейтинге других стран и с включением или исключением некоторых стран из

индекса, но и с тем, что системная борьба с коррупцией была заменена адресными уголовными делами, существующие антикоррупционные инструменты не были разработаны, и Гражданская конвенция о коррупции все еще не ратифицирована Россией. Такая статистика не воодушевляет, но и не огорчает, поскольку положение РФ не ухудшается, но все же эта ситуация негативно сказывается на развитии нашей страны, так как улучшения тоже нет.

В процессе развития Российской Федерации возникает ряд антикоррупционных проблем, которые тесно связаны, в том числе, с развитием уголовно-правовых аспектов противодействия коррупции, что свидетельствует об **актуальности данной темы**. Необходимо разработать комплексную систему противодействия коррупции, сочетающую использование новых и существующих средств.

Научный интерес к изучению этой проблемы со временем набирает обороты. Трансформирующиеся условия диктуют новые подходы к изучению особенностей уголовной ответственности за преступления коррупционного характера.

Объектом работы являются уголовно-правовые аспекты борьбы с коррупцией.

Предметом исследования являются нормы уголовного законодательства Российской Федерации и некоторых зарубежных государств, регулирующие отношения, возникающие в процессе борьбы с коррупцией, а также практика их применения, памятники истории права, международно-правовые документы и статистические данные, касающиеся исследуемой темы.

Цель работы - поиск эффективных уголовно-правовых средств противодействия коррупции.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

- рассмотреть понятие коррупции как объект уголовно-правового воздействия;

- выявить структуру и характеристики коррупции;
- описать концепцию, содержание и систему антикоррупционных инструментов, в том числе, уголовно-правового характера;
- изучить правоохранительную, в том числе судебную практику по делам о коррупционных преступлениях;
- определить пути совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации об ответственности за коррупционные преступления и практики его применения.

Теоретической основой исследования являются работы Ю.Г. Бабаева, Т. Басова, Н.В. Бугаевской, И.В. Букреева, Л. Гибадулинова, В.А. Кулакова, В.В. Лихолетова, Э.Р.Пудакова, К.В. Северюгина, Т. Чердакова, Е.В. Черепанова, А. Числова и другие.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы: метод системного анализа, диалектический, а также частно-научные методы: исторический, сравнительно-правовой, формально-логический, технико-правовой, системно-структурный, статистический, социологический и другие методы.

Апробация результатов научно-исследовательской работы. Работа подготовлена и обсуждена на кафедре уголовного права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета. Отдельные положения изложены в опубликованной автором научной статье на тему: «Актуальные проблемы антикоррупционного законодательства, анализ практики и пути повышения эффективности».

Структура работы состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОРРУПЦИИ КАК ОБЪЕКТА УГОЛОВНО–ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

1.1. СУЩНОСТЬ КОРРУПЦИИ КАК СОЦИАЛЬНО–ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ

Тенденции последних нескольких лет таковы, что явление коррупции является предметом активных дискуссий и споров среди представителей научного сообщества, так как ученые придерживаются различных позиций при определении содержательной сути понятийной категории «коррупция», а также основных аспектов и систематичности её проявления, фундаментальных параметров и характеристик. Также в настоящее время отмечается ситуация, когда количество позиций по данному вопросу достаточно широко, но к единому мнению представители научного сообщества ещё не пришли. Основным фактором, который во многом предопределяет подобное развитие событий, является многогранность и сложность явления коррупции вообще.

За истекшие несколько лет рассмотрением основных вопросов и проблемных аспектов коррупции занимаются юристы, социологи и психологи, представители научного сообщества из других отраслей науки. При всём при этом коррупция представляет собой акцентный объект влияния реализуемого в стране курса внутренней государственной политики. Уже бесчисленное количество раз на высшем государственном уровне поднимался вопрос о том, что коррупция и все формы её проявления представляют собой фундаментальный фактор, который во многом предопределяет практически минимальную эффективность функционирования аппарата государственной власти, что в свою очередь провоцирует недоверие к нему со стороны населения, зарубежные инвесторы относятся к государственным проектам с опаской и именно по этой причине

на сегодняшний день коррупция признается одной из ключевых угроз, которая может пошатнуть национальную безопасность РФ.

Осуществить детальную комплексную аналитическую оценку законодательного механизма, функционирующего в целях борьбы с коррупцией, представляется возможным только тогда, когда изначально будут приняты адекватные меры для определения в должной мере содержательной сути коррупции, на условиях принятия во внимание фактора её многогранности.

Если обратиться к нормативным положениям Конвенции ООН против коррупции, можно отметить, что данный документ рассматривает определенный перечень областей жизни общества в качестве наиболее подверженных прямому негативному влиянию коррупционных проявлений:

1. Общественная стабильность и безопасность;
2. Основные институты демократии и демократические ценности;
3. Этические нормы, ценности и установки, справедливость;
4. Процесс планомерного развития государства и достижения правопорядка.

В конечном счете, можно сделать вывод о том, что формы и стороны риска, обусловленного явлениями коррупции, также характеризуются своей многогранностью. В случае проявления коррупции во всевозможных формах утрачивается контроль над аппаратом государственной власти и поэтому реализуемый на государственном уровне политический курс также становится непродуктивным, органы государственной власти дискредитируются, уровень экономической и инвестиционной активности стремится к нулю. При обеспечении детального рассмотрения данного вопроса специалисты не единожды указывали в своих работах о том, что прослеживается тенденция чрезмерного завышения уровня значимости административного усмотрения за границами закона, а также завышена значимость закреплённой на уровне национального законодательства

компетенции определенного органа государственной власти или конкретного должностного лица [Бугаевская, с.27-28].

Предприятия и организации, относящиеся к малому и среднему бизнесу, в настоящее время не могут с должной степенью эффективности преодолевать барьеры, воздвигаемыми под влиянием засилья коррупции, так как данные субъекты предпринимательства не обладают необходимыми объемами экономических ресурсов, которые смогли бы удовлетворить запросы представителей чиновничьего аппарата, замешанных в коррупционных схемах. Кроме того, коррупция провоцирует развитие не только явных последствий, формы проявления которых, видны невооружённым взглядом, но и обуславливает формирование ряда негативных тенденций, невидимых взгляду. Нередко ситуация складывается так, когда коррупция в процессе своего развития начинает оказывать существенное влияние на правовую государственную систему в целом, и негативно влияет на процесс законодательной деятельности. При рассмотрении данного вопроса ряд представителей научного сообщества отмечает, что негативное влияние коррупции в правовом аспекте подразумевает под собой возможность принятия законодательных актов, таким образом, когда возможности их произвольного толкования становятся практически неограниченными, включая случаи, когда будут приниматься заведомо непродуктивные правовые нормы (нарушение принципа чёткости при определении содержания, использование нечетких формулировок, отсутствующая ресурсная база для практического воплощения требований данных законов, содержание признаков, которые не могут быть доказаны), также могут приниматься меры для устранения пробелов в механизме правового регулирования, но при этом они будут предлагаться коррумпированными разработчиками проектов законов, в дальнейшем их будут рассматривать и принимать представители государственного аппарата, также подверженные влиянию коррупции.

Здесь необходимо также указать, что сама по себе терминологическая категория «коррупция» пришла к нам из латинского языка и происходит от слова «*corruptio*», что в буквальном переводе можно толковать как «нарушение, ущерб, взяточничество, фальсификация». Если обратиться к отечественным словарям, то их составители рассматривают коррупцию в следующем толковании: «взяточничество, коррупция должностных лиц и общественных деятелей». Схожие определения данного термина представлены и в словаре иностранных слов. На страницах Российской правовой энциклопедии коррупция рассматривается как процесс использования служащими государственного аппарата и представителями органов государственной власти имеющегося у них положения, служебных прав и полномочий в целях обогащения в нарушение закона, получения материальных и других выгод и преимуществ для удовлетворения личных целей, а также для удовлетворения групповых интересов [Левакин, с.111-113].

В анализируемой ситуации особый интерес вызывают позиция Г.К. Мишина. Так, автор на страницах своих работ говорит о том, что латинский термин «*corruptio*» в свою очередь образовался путем объединения слов «*cor*» (лат. Дух, разум) и «*ruptum*» (лат. Портить, разрушать). При этом автор считает, что содержательная суть коррупции во многом предопределяется не самим фактом взяточничества, продажности общественных деятелей, инициацией процесса разрушения системных, интегрирующих связей какого-либо определенного объекта влияния, к которым могут быть отнесены помимо всех иных также органы государственной власти.

На сегодняшний день специалисты используют различные подходы для определения содержательной сути понятия «коррупция». Сразу укажем, что достаточно большое количество авторских определений еще раз говорит о том, что коррупция представляет собой явление многогранное. Также необходимо указать, что некоторые позиции по данному вопросу вступают в

прямое противоречие друг с другом, или же дискуссии возникают по поводу того или иного аспекта.

Чаще всего при характеристике основных аспектов коррупции, специалисты указывают, что прослеживаются такие факторы, как:

1) наличие четкого мотива, который провоцирует участников коррупционных схем на осуществление противоправной деятельности для удовлетворения своих интересов;

2) возможные выгоды материального и нематериального порядка, которые могут быть получены в случае реализации на практике коррупционных схем;

3) деструктивный характер влияния коррупционной деятельности, что подразумевает под собой причинение вреда, находящимся под охраной закона правам и интересам.

Также существует подход, где основное внимание сосредоточено на социальной и содержательной сути коррупции, так как коррупция представляет собой явление, которое, безусловно, будет присутствовать в любом государстве, общественной системе, если последние допустили появление тех или иных социальных противоречий, а также интересов различных групп общества, вступающих в противостояние друг с другом. В анализируемой ситуации коррупция рассматривается как один из подвидов социального отклонения. При рассмотрении данного вопроса, Н.И. Мельник указывает в своих работах, что, если рассматривать коррупцию в качестве одного из социальных явлений, в таком случае можно отметить, что речь идет о неформальном, отклоняющемся поведении правящей элиты, что может проявляться в противозаконном использовании социальных благ и привилегий.

Также группа специалистов рассматривает коррупцию в первую очередь в аспекте ее системного включения в структуру взаимосвязей с общественностью. По этому вопросу Л.В. Гевелинг указал, что коррупция представляет собой достаточно специфическую систему социальных

взаимосвязей, которая будет демонстрировать свой деструктивный характер относительно действующих социальных установок, поведенческих норм и норм морали, при этом основная специфическая черта здесь заключается в злоупотреблении служебными полномочиями, преследуя цель извлечения благ материального и нематериального порядка.

В свою очередь, анализируя содержательную суть данного вопроса, Б.В. Волженкин указывает, что коррупцию надлежит рассматривать в первую очередь в качестве одного из социальных явлений, которое предполагает развал власти, что сопровождается стремлением должностных лиц государственного аппарата или муниципалитетов к использованию своего положения для удовлетворения корыстных личных целей, противозаконного извлечения выгоды и для удовлетворения групповых интересов.

Сегодня ученые всё чаще выражают позицию о том, что при выявлении единичного факта противозаконного использования работником своего служебного положения и полномочий, отсутствуют основания, для того чтобы признавать указанный случай коррупционным. В данном случае подобное мнение не обосновано и считаем, что вне зависимости от общего числа выявленных фактов коррупционной деятельности, в каждом случае, когда устанавливается, что работник совершил определенный набор действий, в рамках которых прослеживаются коррупционные признаки, то речь идет о коррупционном действии. Показатель кратности или систематичности выявленного злоупотребления нельзя рассматривать в качестве основания, по которому конкретное действие или бездействие может быть квалифицировано как акт коррупционной деятельности. В данном случае речь идет о вспомогательной функции, так как при использовании данного показателя, может быть осуществлена дополнительная градация и структуризация разнообразных форм проявления коррупционной деятельности. Здесь В.В. Летуновский и А.А. Агеев в рамках своей научной деятельности, используя в качестве основы количественные показатели, пришли к выводу о том, что коррупция может быть

классифицирована как разовая, периодическая система. При использовании подобной классификации, она играет весомую роль, так как в случае её применения могут быть разработаны адекватные оперативные меры по борьбе с коррупцией, основываясь в своём решении на характерных признаках и ее специфических чертах [Нисневич, с.165-167].

В своих работах В.Н. Бурлаков говорит о том, что коррупция это в первую очередь процесс взяточничества, а также иные формы поведения лиц, наделенных полномочиями и обязанностями для выполнения ими функций в государственном и частном секторе, в результате чего создаются условия для нарушения и неисполнения обязанностей, делегированных им в соответствии с их статусом государственного должностного лица, частного сотрудника независимого агента и т.д. в целях извлечения незаконных выгод в личных интересах или для удовлетворения интересов других лиц.

В случае узкого толкования содержательной сути коррупции, внимание сосредотачивается в первую очередь на закрепленных в нормативных актах составах правонарушений, регламентированных на уровне национального законодательства, которые будут демонстрировать достаточно характерные различия в сравнении с другими правовыми нарушениями, что обуславливается фактам применения специальным субъектом – должностным лицом делегированных ему публичных должностных полномочий, активного использования статуса для удовлетворения корыстных интересов, стремясь к личному обогащению или для удовлетворения групповых интересов, что подразумевает под собой должностное злоупотребление.

Одним из авторов, который поддерживает принцип узкого толкования коррупции, является А.И. Долгова. Так, по мнению этого автора, коррупция представляет собой один из видов социальных явлений, которое предполагает «подкуп-продажность» государственных (муниципальных) служащих, стремящихся к своему личному обогащению, не гнушаясь никакими средствами и способами для этого.

Ещё одну авторскую позицию по этому вопросу озвучил В.В. Астанин, который говорит о том, что в роли фундамента, на котором в дальнейшем развиваются ситуации злоупотребления служебными полномочиями, предстаёт факт подкупа – то есть активного подкупа, а также факт продажности, то есть факт пассивного подкупа. Здесь специалист также говорит о том, что имеются основания, для того чтобы классифицировать действия или бездействия, допускаемые субъектами подкупа, по ряду фундаментальных категорий:

- подразумевающие возможность привлечения к уголовной ответственности преступления;
- гражданско-правовые деликты;
- административные правовые нарушения;
- дисциплинарные проступки.

При этом здесь весьма точной является мысль, высказанная А.М. Цириним. Так, автор говорит о том, что узкое толкование явления коррупции демонстрирует определенную асимметрию в аспекте выявления фундаментальных специфических признаков анализируемого явления, и вместе с тем в состоянии достаточно точно отражать фундаментальную черту, которая в свою очередь подразумевает факт злоупотребления должностным положением и полномочиями для извлечения выгоды противоправным способом. По итогам более детального рассмотрения данного аспекта В.В. Лунеев пришел к выводу о том, что в данном случае необходимо дать одно весьма существенное уточнение и согласно данному уточнению коррупция представляет собой явление, которое характеризуется более широкими границами своего содержания, в сравнении с содержательной сутью взяточничества. Так, по мнению ученого, существует достаточно обширный перечень действий, среди которых надлежит выделить в первую очередь лоббизм, фаворитизм, протекционизм; взносы, которые предполагается направлять на удовлетворение политических целей; устоявшиеся традиции, в силу которых политические лидеры и чиновники

госаппарата в определенный момент переходят на должности почётных президентов корпораций и частных предприятий; инвестирование деятельности коммерческих предприятий за счёт средств, поступающих из государственного бюджета; возможность перевода государственного имущества в акционерные имущества – всё это можно рассматривать в качестве завуалированных коррупционных схем и методов деятельности [Левакин, с. 178-180].

С позиции расширенного понимания, коррупция в первую очередь является таким фактором, который в силу своего негативного влияния оказал существенное воздействие на аппарат государственной власти, спровоцировал постепенную деградацию практически всех государственных институтов, предопределил возможность сознательного применения должностными лицами своих служебных полномочий, статуса и положения для удовлетворения своих личных корыстных целей или для удовлетворения корыстных целей и интересов определённых групп. Приверженцы расширенного толкования коррупции нередко рассматривают в качестве тождественных категорий саму по себе коррупцию и факты корыстного злоупотребления в рамках несения службы, указывая лишь на несущественные различия. Таким образом, П.А. Кабанов рассматривает коррупцию в качестве процесса, в рамках реализации которого должностное или частное лицо осуществляет определенные действия, провоцирующие нарушение фундаментального принципа государственной службы – речь идет о служении общественным интересам на условиях отсутствия корысти. При этом такого рода действия подразумевают под собой изъятие на условиях отсутствия законных оснований материальных ценностей, получение определенных материальных услуг, предоставление такого рода услуг другим лицам в ситуациях, которые запрещены действующим национальным законодательством и подразумевают возможность уголовного преследования. Основная специфическая черта, которая во многом выделяет указанное определение, заключается в том, что в перечень коррупционных

правонарушений включаются также незаконно полученные выгоды, подразумевающие их получение путём взятки, а также в результате хищения имущества, если данным имуществом распоряжается должностное лицо, прибегая для этого к схемам незаконного участия в процессе функционирования коммерческих предприятий, находящихся в тесной экономической зависимости от решений, принимаемых в рамках исполнения административных и управленческих полномочий должностными лицами, которые за совокупный период несения своей службы смогли создать чрезвычайные преимущества экономического порядка для такого рода субъектов, в большинстве случаев, как об этом свидетельствует практика, после того как такого рода полномочия будут прекращены указанные должностные лица чаще всего принимают на себя полномочия по руководству такими организациями.

И вместе с тем здесь необходимо акцентировать внимание на том, что чаще всего разработанные сегодня авторские определения понятия «коррупция» не принимают во внимание один весомый фактор: формой проявления несоответствующих выгод могут быть объекты материального мира, а также различные виды нематериальных достижений. В силу влияния обозначенной причины позицию представителей научного сообщества, говорящих о том, что во многих ситуациях коррупционные взаимоотношения могут и не подразумевать наличие имущественного подтекста, можно считать вполне правомочной. В основе коррупции могут лежать интересы материального порядка, предполагающие большую свою широту в сравнении с собственническими интересами. Помимо этого, в основе коррупции также могут лежать интересы нематериального характера, что подразумевает под собой предоставление услуг на взаимной основе, обеспечение влияния в той или иной сфере на возмездной основе. И в соответствии с этим можно сделать вывод о том, что при наступлении ситуации, когда законодатель рассматривает коррупционные взаимоотношения исключительно с точки зрения их материального подтекста, накладываются существенные

ограничения на границы содержательной сути понятийной категории коррупции и в силу этого отсутствует возможность разработать такой антикоррупционный режим, который будет характеризоваться отсутствием внутренних противоречий, сосредотачивать в себе наиболее продуктивный комплекс методик и инструментов, которые в дальнейшем будут положены в основу борьбы с постепенной интеграцией коррупции во все области и сферы жизнедеятельности общества [Русанов, с.56-59].

Определяя фундаментальные специфические черты, которые присущи коррупционным взаимоотношениям, Н.А. Кузьмин в своих работах говорит о том, что основным их признаком является явное отклонение используемой поведенческой модели от установленных правовых норм, признание произвола в рамках практического воплощения законодательно закрепленных за ними полномочий, а также факты противозаконного применения в практической деятельности способности и полномочий по управлению ресурсами, являющимися собственностью государства. Также специалист, развивая свою мысль, говорит о том, что прослеживается колоссальный уровень отрицательного воздействия коррупционных проявлений в целом на правовую систему, так как в данном случае прослеживается процесс, при котором закрепленная на уровне законодательства процедура и форма управления государственной властью находятся в процессе своего стремительного разрушения, кроме того, поступательным образом нормативно-правовые предписания заменяются на правила, которые изначально были разработаны и созданы, для того чтобы удовлетворить корыстные индивидуальные интересы определенной категории лиц.

Представляя характеристики ряда фундаментальных поведенческих и правовых аспектов коррупции С.П. Глинкина указывает, что коррупцию надлежит рассматривать в качестве фактов умышленного нарушения принципа независимости сторон, что подразумевает под собой стремление к получению на условиях реализации такой поведенческой модели

определенных преимуществ для себя лично или для других [Алферовская, с. 106-110].

Обобщая, можно акцентировать внимание на том, что чаще всего на практике коррупционные проявления возникают в силу существования так называемого культурного или этического несоответствия, не признаваемого в социуме и при этом достаточно часто воспроизводимого определённой группой граждан, так как последние в соответствии с законодательными положениями вправе принимать значимые с юридической точки зрения решения, что в конечном счете провоцирует получение некоторого установленного отрицательного результата.

В 1979 году в нормах Кодекса поведения правоохранительных органов было регламентировано понятие коррупции, при этом данное явление рассматривалось как любое действие (или бездействие), совершенное или допущенное должностным лицом на условиях получения официального вознаграждения вне зависимости от формы подобного вознаграждения для удовлетворения интересов лица, предоставляющего такое вознаграждение.

Анализируя авторские подходы, которые специалисты использовали для определения «коррупции», необходимо отдельно отметить, что существует ряд определений коррупции, применяемых в настоящий момент в законодательствах иностранных государств. Согласно нормам германского законодательства коррупция представляет собой факт злоупотребления служебным положением в рамках несения государственной службы, а также в частном секторе или по собственной инициативе, стремясь при этом к извлечению выгоды в личных интересах или для третьей стороны, что предполагает возникновение опасности нанесения вреда общественной системе, или предприятию. В Японии коррупция рассматривается в качестве факта осуществления противоправного действия, что предполагает осуществление на условиях наличия соответствующих намерений определённых действий, предполагающих использование служебного положения должностными лицами, и нацеленного на противозаконное

получение преимущества и выгод имущественного и неимущественного порядка, кроме того, речь может идти о получении указанными лицами взяток [Волчанская, с.24-28].

По итогам детального анализа представленных выше определений коррупции, можно резюмировать ряд выводов:

1) прослеживается тесная взаимосвязь между коррупцией и институтом государственной власти в ситуации, когда один из субъектов коррупционных взаимоотношений наделён определенным правовым статусом государственного служащего, уполномоченного принимать юридически значимые решения;

2) коррупция оказывает колоссальное влияние на правовую систему;

3) коррупционная схема могут использоваться не только для удовлетворения личных интересов, но и в целях достижения корыстных целей преследуемых группами людей;

4) прослеживаются неформальные черты характера деятельности участников коррупционных схем;

5) все возможные формы коррупционных проявлений подразумевают под собой в первую очередь факт злоупотребления служебным положением должностными лицами.

На сегодняшний день в нормах действующего российского законодательства прослеживается использование определенного подхода при определении содержательной сути коррупции, который подразумевает под собой перечисление конкретных видов преступных деяний. Так, согласно нормам ФЗ от 25.12.2008 г. «О борьбе с коррупцией» N 273-ФЗ коррупция представляет собой факты злоупотребления властью, взяточничество, получения взятки, злоупотребления властью, коммерческий подкуп или другие формы противозаконного использования своего служебного положения лицом, что вступает в противоречие с законами, общественными и государственными интересами и подразумевает достижение цели,

связанной с получением выгод в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг, иных имущественных прав для себя или третьих лиц или незаконное предоставление такого рода выгод определенному лицу иными лицами, а также совершение таких действий от имени или в интересах юридического лица.

Анализируя представленное выше определение, можно отметить, что при определении содержательной сути коррупции, данный процесс реализуется исключительно в криминальном аспекте. При этом является безусловным тот факт, что закон должен рассматривать в качестве ориентира такие проявления коррупции, в силу которых может быть нанесён наиболее существенный ущерб интересам человека общества и государства, и находящимся под охраной закона. При этом в совокупности сфера, в границах которой имеют место быть коррупционные правонарушения, вовсе не предполагает, что она включает в себя лишь преступные деяния, за совершение которых следует определённое наказание. Подобная позиция, занятая законодателем, создает условия, в силу которых из правового поля полностью исключается обширный перечень коррупционных проявлений, что имеют место быть в разнообразных областях, также во внимание не принимается тот факт, что нередко сама по себе коррупционная деятельность, совершаемая тем или иным коррумпированным чиновником, предполагает, что изначально он идёт на незначительные действия с коррупционной составляющей.

Обратившись к источникам научной литературы, можно отметить, что фундаментальным признаком современной коррупции является тот факт, что на сегодняшний день прослеживается тенденция её непрерывного расширения и раздвижения границ сфер влияния путем включения сюда всё новых и новых областей деятельности, ранее находившихся под достаточной защитой со стороны государства. И в итоге ситуация складывается так, когда организация продуктивной борьбы с выявленными не криминальными формами проявления коррупции выступит в качестве одной из логически

обоснованных форм противостояния коррупции, что позволит не допустить учащения случаев коррупционных проявлений и проникновения в новые сферы жизни общества. Таким образом, можно отметить, что только путём принятия обозначенных выше мер, будут созданы условия для формирования активной позиции в ходе противостояния коррупции, в целях недопущения приобретения ею признаков стабильной самовоспроизводящейся системы [Липинский, с.100-108.].

В конечном счете, отметим, что, по мнению некоторых представителей научного сообщества, используемый в настоящее время подход при формулировке закреплённого на уровне национального законодательства определения коррупции явно требует своего дополнения более общим определением, в рамках которого будет обеспечено надлежащее раскрытие фундаментальной структурной и специфической характеристики коррупции, в первую очередь речь идет об использовании своего статуса и должностных полномочий в целях извлечения прибыли или выгоды, что создает условия для нарушения действующих законодательных требований.

Резюмируя настоящий параграф нашей работы, ещё раз считаем необходимым указать, что существующая в настоящий момент коррупция демонстрирует такие формы своего проявления, когда её надлежит рассматривать в роли универсального социального явления, и оно выходит далеко за границы исследования некоторой отдельной отраслевой дисциплины и сосредотачивает в себе обширный перечень социальных, правовых, философских и экономических особенностей.

1.2. РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО–ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Впервые путем фиксации в официальных документах информация об обещаниях, рассматриваемых в статусе вознаграждения, полученного при

отсутствии законных оснований наместниками по фактам исполнения ими официально делегированных им полномочий, была закреплена в конце XIV века. Подобный стандарт был регламентирован в Двинской грамоте (1397 г.). В дальнейшем была издана новая редакция Устава Псковского суда и здесь терминологическая категория «обещание» рассматривается и применяется в таком значении, которое соответствует используемому в настоящее время термину взятка.

В XV в. основные тенденции и события того периода свидетельствовали о том, что коррупция и различные формы её проявления приобрели системные черты. Практически все без исключения представители чиновничьего аппарата исполняли возложенные на них обязанности только на условиях тендера. Подобные действия именовались взятками, и не рассматривались как нечто неприемлемое. Впервые на законодательном уровне мера ответственности, подразумевающая привлечение судей по фактам уличения их во взяточничестве к определённом наказанию, была предусмотрена в Уложении 1497 г. [Мальчикова, с. 158-170].

В дальнейшем был разработан Судебник 1550 г. (Судебник Ивана IV), в нормативных положениях которого была обеспечена большая детализация основных аспектов проблемы взяточничества. Так, данный документ подразумевал, что мера наказания в виде тюремного заключения была использована в отношении представителя чиновничьего аппарата, который, воспользовавшись своими полномочиями, сформировал фальсифицированный протокол о факте дачи взятки или внес ложную информацию в заявление сторон. Помимо меры наказания в виде тюремного заключения данный чиновник был обязан уплатить штраф, общий размер которого был сообразен размеру иска. В последующем после вхождения на престол царя Ивана Васильевича Грозного, он среди прочих мер принял решение о том, чтобы предусмотреть наказание в виде смертной казни, к которому могли быть привлечены преступники по фактам уличения их в чрезмерном взяточничестве.

Как свидетельствуют источники в XVI веке традиционная форма взяточничества постепенно трансформировалась в свой инновационный вид – шантаж. Так, минувшие в тот период исторические события развивались таким образом, когда Глава Земского приказа Леонта Плещеев сделал царя А.М. Романова преступным шантажистом. Основной принцип рассмотрения в рамках судебного разбирательства предполагал, что в выигрыше может оказаться тот, кто больше даёт. Во главе Пушкарского Ордена находился в тот период Петр Траханитов и он, руководствуясь корыстными целями, по многу месяцев не выплачивал заработную плату своим подчинённым, удовлетворяя свои потребности, он растратил колоссальное количество денежных средств, при этом при инициации разбирательства в суде оказывался в выигрыше. Степень отчаяния, которая нависла над народом довела его до того, что 25 мая 1648 года в Москве начались волнения. Принять адекватные меры, для того чтобы ликвидировать восстание и его зачинщиков, царю Алексею Михайловичу не удалось. Поэтому в целях стабилизации ситуации царь вынужден был принять решение о том, чтобы экстрадировать Плещеева (растерзанного толпами), подписать решение о смертной казни Траханитова. Волнения и беспорядки того периода можно по праву назвать одной из первых массовых акций протеста народа против коррупции в нашей стране. После того как данные события завершились, были реализованы необходимые мероприятия, целью которых была разработка Соборного кодекса 1649 года. В рамках данного документа определялись меры ответственности, к которой могли быть привлечены преступники в случае выявления фактов совершения ими преступных деяний, включенных в границы понятия коррупции: принятие мер для скрытия обязательств в процессе регистрации; действия, нацеленные на притеснение населения; использование подложных документов и фальсификация их в случае переписки в суде и прочее [Румянцева, с.148-150]

Анализируя краткий исторический очерк, представленный выше, можно отметить, что в XVII в. налицо процесс постепенной трансформации

предложений и взяток. В тот период получили своё максимальное распространение такие формы коррупции, как почести, оплата услуг и обещания. Можно отметить, что в слове честь также явно прослеживается придаваемое ему уважительное значение и всё это можно явно проследить в древнем русском обычае: встречая уважаемого человека, и в первую очередь речь идет о чиновниках высших рангов, его полагается встречать хлебом-солью. При этом в XVII в. «честь», представлялась в качестве разрешённой формы взяточничества, начала поступательным образом приобретать все большее значение. Существует также и иная форма передачи пожертвований представителям чиновничьего аппарата, которая подразумевает под собой покрытие затрат, потребовавшихся в процессе эксплуатации и в ходе переработки компании. Устанавливая размер заработной платы, принимались во внимание доходы чиновников, получаемые ими в форме выплат, осуществляемых по фактам ведения дел: в ситуации, когда большая часть дел находилась в том порядке, откуда представлялось возможным «кормить», в таком случае им выплачивался меньший объем заработной платы. Данный факт свидетельствует о том, что нарабатанная практика «кормления от бизнеса» представляла собой в тот период один из инструктивных элементов государственной системы удержания чиновников.

Помимо всех представленных выше форм коррупционного поведения, существует также еще одна форма «обещания». Обещания – представляют собой плату, которую надлежит осуществить в целях создания условий для выгодного разрешения дела, осуществления противоправного действия. В большинстве случаев обещания подразумевали под собой переплату за услуги, ведение дел и исполнение, и по этой причине граница между двумя формами коррупционного поведения характеризовалась своей размытостью, а порой увидеть её практически не представлялось возможным [Васильева, с.210-214].

В XVIII в. события развивались, таким образом, когда система «кормления» начала рассматриваться как нечто негативное. К моменту

восхождения на престол императора Петра I Великого, практика уже явно свидетельствовала о том, что коррупция во всех формах её проявления оказывает крайне негативное влияние на государство в целом и его институты, так как деструктивно влияет на общественную систему, и создает множественные условия и предпосылки для разворовывания госбюджета. В целях борьбы с такими негативными тенденциями была проведена губернская реформа 1708 г. и Император Петр I Великий организовал платную гражданскую службу. В контексте темы настоящего исследования должны акцентировать внимание на том, что императорский указ "О запрещении взяток и обещаний», в рамках нормативных положений которого осуществляется классификация различных форм взяточничества, в виде достаточно серьезного преступного деяния, за совершение которого предусматривается серьёзная мера ответственности, оказал колоссальное влияние на дальнейший процесс развития России.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. включало в себя ряд нормативных положений, где определялись меры уголовной ответственности, к которым могли быть привлечены нарушители по фактам уличения их во взяточничестве, вымогательства у населения и прочее.

В рамках нормативных положений Уголовного уложения редакции 1903 г. также определялись меры ответственности, к которым могли быть привлечены нарушители в случае совершения ими обозначенных выше преступных деяний.

После революционных событий 1917 г. и появления нового советского государства своей актуальности проблема коррупции не утратила. И по этой причине в целях обеспечения продуктивной борьбы с коррупционерами новое правительство максимально оперативно приняло декрет «О взятках» (8 мая 1918 г.) и декрет «О борьбе с взятками».

В УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг. регламентировались меры ответственности, к которым могли быть привлечены нарушители по фактам

получения и дачи взятки, по фактам злоупотребления своими властными полномочиями и служебном статусом, что подразумевало под собой факт умышленного использования служебного положения, нарушая, таким образом, служебные интересы, в ситуации, когда подобные действия осуществлялись для удовлетворения личных корыстных интересов спровоцировали нанесение существенного ущерба интересам государства или общества, а также правам, находящимся под охраной закона, интересам граждан.

Наиболее явно подобные тенденции начали прослеживаться в конце 1970-х - начале 1980-х годов, так как именно в этот период ситуация в Советском государстве складывалась таким образом, когда на рассмотрении уполномоченных органов находилась колоссальное количество уголовных дел, инициированных по случаям рассмотрения фактов противоправного поведения государственных служащих разных уровней, в частности, рассмотрение таких дел происходило на территории союзных Республик, в различных областях и городах. Допущенные такими чиновниками факты деятельности во многих случаях не могли быть подведены под действие норм уголовного законодательства того периода. Таким образом, уже в этот период представители научного сообщества пришли к единой позиции, согласно которой принцип рассмотрения содержания коррупции на условиях использования в этих целях категории взяточничества и личного корыстного интереса, характеризовался своей узостью и не обладал потенциалом, который позволил открыть реальную картину, касающуюся разнообразия коррупционных форм поведения.

И вместе с тем здесь потребуется отметить, что именно указанный подход в рамках практической деятельности еще достаточно долгий период времени выступал в роли фундаментального в рамках организации и проведения научных исследований, более того, аналогичные тенденции прослеживались и в нормах действующего национального законодательства. В силу прослеживающихся тенденций, можно резюмировать итог, что

приверженцы такого подхода заняли еще более прочные позиции к моменту наступления периода, когда в нашей стране начали активно проводиться социально-экономические и политические реформы. Такая ситуация складывалась, потому что сама по себе концептуальная подоплека планируемых реформаторских мероприятий не получила своего должного криминологического обоснования, кроме того, в её границах был сосредоточен громадный по своему объему криминальный потенциал. Е. Гайдар, один из главных разработчиков, предпринявший активные попытки для обеспечения практической реализации данной концепции, рассматривая её содержательную суть, пришел к следующему выводу: так как в рамках практической деятельности складывается ситуация, при которой действующая партийно-государственной номенклатура сама по себе не принимает решения о том, чтобы отказаться от власти, а обеспечить снятие этой власти путем использования силовых методов также не удалось, возникла ситуация, при которой выход из данной ситуации усматривался только в том случае, когда эта власть будет куплена [Липинский, с.100-108].

В начале 90-х гг. складывалась тенденция, когда коррупция в первую очередь рассматривалась как стремление представителя чиновничьего аппарата к получению выгоды для себя, созданию условий для постепенного распада с властными или экономическими полномочиями, в результате чего учреждения, функционирующие под его юрисдикцией, постепенно приобретают статус источника личного обогащения, а чиновник не гнушается вступления в контакты с обычными преступлениями, осуществляет наем профессиональных преступников [Братановский, с.34-39].

В дальнейшем события развивались, таким образом, когда подобные предпосылки были объединены в границах единого социального явления, которое подразумевает под собой активное взяточничество – неполноценность правительства и других чиновников, что провоцирует учащение случаев использования в корыстных целях должностных полномочий, власти и возможностей, которые эта власть открывает. Также

речь шла о своеобразном социальном феномене, при развитии которого муниципальные служащие и другие лица, занимающиеся исполнением государственных функций, могут использовать свое служебное положение и статус для удовлетворения личных интересов, а также для удовлетворения интересов отдельных групп.

Здесь необходимо акцентировать внимание на том, что изначально коррупция, рассматриваемая в качестве преступного деяния, связанного с отдельными структурными компонентами уголовных преступлений подразумевала под собой взятку одних лиц другими лицами (Н. Ф. Кузнецова), и поэтому в первую очередь в данном случае речь шла о всевозможных формах взяточничества. Помимо обозначенного подхода существовали и другие, которые в первую очередь рассматривали коррупцию в качестве осуществляемой на условиях предварительной организации и на основе систематического получения взяток, иных незаконных выгод корыстного характера.

При этом зачастую представителям чиновничьего аппарата взятка давалась, что называется «с нуля» (речь в данном случае идет о «неполных» взятках). Кроме того, по мнению некоторых представителей научного сообщества, целесообразно относить к коррупции составы других преступлений, в частности, по мнению специалистов сюда надлежит отнести случаи корыстного злоупотребления служебными полномочиями (по нормам УК РФ 1996 г. - служебные полномочия), воровство. Также специалисты практически единогласно говорили о том, что взяточничество представляет собой одно из наиболее типичных проявлений коррупции как таковой. Также группой авторов была разработана консолидированная концептуальная теория коррупционных преступлений: опасные для общества преступления уголовной направленности, на совершение которых идут должностные лица, и используют в этих целях свои служебные полномочия и статус, преследуя цель удовлетворения своих корыстных интересов. В анализируемом случае специалисты акцентировали наиболее пристальное внимание на том, что

прослеживается весьма тесная взаимосвязь между взятками, которая в свою очередь представляет собой один из структурных элементов коррупции и актами подстрекательства к совершению преступных и антиобщественных мероприятий силами не только отдельных лиц, но и силами организованных групп и ассоциаций. В конечном счете, коррупция также рассматривалась в роли одного из фундаментальных и неотъемлемых структурных компонентов организованной преступности вообще [Боровиков, с.121-123].

В рамках нормативных положений ст. 2 ФЗ «О борьбе с коррупцией» от 22.11.1995 г. принятого на заседании Госдумы, прошедшего этап одобрения в Совете Федерации, но в дальнейшем отклоненного по решению Бориса Ельцина, было дано достаточно специфическое определение коррупции. Здесь коррупция - это факт получения материальных и других видов благ и выгод лицами, уполномоченными исполнять государственные функции, а также лицами, приравненные по статусу к ним, на условиях использования ими своего положения и статуса, и обусловленных ими возможностей (продажность), а также факты подкупа указанных лиц, то есть предоставление в отсутствие законных оснований таких льгот физическими и юридическими лицами.

В рамках проекта закона федерального уровня «Основы антикоррупционной политики» также дается еще одно определение коррупции – взяточничество, то есть факт получения и предоставления взятки, все возможные случаи использования в отсутствие законных оснований публичного положения лица на условиях получения для него или неё выгод, а также выгод, получаемые для своих близких, если последние находятся в конфликте с законными общественными и государственными интересами, или же речь может идти о фактах предоставления в отсутствие законных оснований указанных благ какому-либо конкретному лицу.

После того как был принят ФЗ от 25.12.2008 г. 27Е-ФЗ «О борьбе с коррупцией» сосредоточенная в нём концепция впервые в российской истории впервые была подвержена необходимым мероприятием, нацеленным

на её усиление на уровне действующего национального законодательства. По нашему мнению, так как в настоящий момент складывается ситуация, когда отсутствует регламентированное в российском праве понятие «коррупция», то до момента принятия обозначенного федерального закона рассмотренный ранее подход нельзя признать корректным. Имеет место объективная необходимость в разработке концепции, и она в своих границах будет сосредотачивать исчерпывающий перечень значимых признаков, при наличии которых данный факт может рассматриваться в качестве основания, предопределяющего возможность признания какого-либо действия деянием, имеющим коррупционную компоненту.

В данном случае придерживаемся позиции о том, что законодатель не вполне правомочно отнёс некоторые коррупционные проявления к категории злоупотребления властными полномочиями и коммерческим подкупам, так как последние рассматриваются и квалифицируются как уголовные преступления, совершаемые против служебных интересов в сфере предпринимательской деятельности (гл. 23 ч. УК РФ раздела VIII. Области экономики). Должностные лица не могут выступить в качестве субъектов следующих видов преступлений (ст. 201, ч. 3,4 ст. 204 УК РФ), поскольку ими могут быть лица, уполномоченные реализовать управленческие функции в ходе деятельности коммерческих и других организаций, а в преступлениях, предусмотренных частями 1 и 2 ст. 204 УК РФ, субъектами могут выступать все вменяемые лица, достигшие возраста уголовной ответственности. При квалификации последних действий, не целесообразно рассматривать их в качестве коррупционных деяний, так как указанное явление по традиции отождествляется с неполноценностью любого аппарата управления (в том числе и коммерческими организациями). И одновременно с этим нельзя не отметить, что исследуемое определение не включает в себя никаких упоминаний о фактах превышения служебных полномочий, тогда как значительная часть из подобных видов преступных деяний явно содержит в себе зерно коррупции. По нашему мнению, преступление, которое

предполагает дачу взятки или коммерческого подкупа «в чистом виде», не следует относить к коррупционному поведению, так как участие в данном преступном деянии может принять любое лицо. Детально анализируя определение коррупции, можно отметить, что, в сущности, обозначенное явление в первую очередь подразумевает под собой акт использования в отсутствие законных оснований своего служебного положения отдельными лицами в корыстных целях. И одновременно с этим не вызывает сомнений тот факт, что сам по себе процесс дачи взятки (коммерческого подкупа) демонстрирует максимально тесную взаимосвязь с таким явлением, как коррупция и обусловлено подобное развитие событий тем, что такого рода преступления зачастую формируют основы для необходимого соучастия в получении взятки должностным лицом, вместе с тем, веские основания для рассмотрения данного деяния в качестве безусловного акта коррупции также отсутствуют.

Изучив закрепленное в нормах ФЗ «О борьбе с коррупцией» определение, можем отметить, что здесь не обеспечен должный учёт широкого спектра форм проявления коррупционного поведения, которое в свою очередь может затрагивать некоторые правовые сектора и в силу подобного развития событий требуется реализовать на практике принцип комплексности при определении содержательной сути коррупции. Толкование выгоды в качестве одного из объектов коррупции в рамках анализируемого определения демонстрирует несоответствие регламентированным категориям, отражённым в специальных нормах Особенной части УК РФ (в частности, нормы статьи 290 УК РФ – содержание предмета взятки). В нормах действующей редакции УК РФ также регламентируется состав превышения власти, а не только злоупотребление властью, в сравнении с тем, как это регламентируется в нормах ст. 1 Федерального закона. Отсюда имеются основания, для того чтобы заключить, что по итогам анализа содержательной сути определения «коррупции» прослеживается его явная неполнота, более того можно увидеть

достаточно существенные противоречия с иными нормами права, и поэтому создать условия для продуктивной борьбы с коррупцией возможным не представляется.

На этом основании также укажем, что, по нашему мнению, не является правомочной позиция ученых, представляющих аргументы в целях доказательства наличия объективной необходимости введения понятия «коррупция» в уголовное право. Здесь можно предположить, что коррупция, выступая в роли неотъемлемого структурного элемента достаточно широкого социального явления, может получить свое проявление в многообразии форм, и далеко не во всех случаях речь идет о таких формах, в рамках которых отмечается содержание уголовного запрета. В основе такого расширенного толкования анализируемого явления лежит абсолютно другой подход, применяемый при определении этимологии понятийной категории «коррупция» - взяточничество. Наша позиция по этому вопросу такова, что принцип рассмотрения содержательной сути коррупции через термин «коррупция» (взяточничество) не в состоянии создать условия для раскрытия сути этого понятия. Целесообразнее использовать иное основание для термина «коррупция», в составе которого будут присутствовать латинские слова «correi» и «gimprege». Первое слово подразумевает под собой акт участия группы субъектов в одной из сторон обязательственного отношения, возникающего по поводу единственного предмета, а второе слово подразумевает глаголы-синонимы «ломать, повреждать, отменять». Отсюда получается отдельный термин «corgimprege», который может толковаться как факт участия в деятельности нескольких человек (как минимум, двух), а основной его целью при этом будет являться «ущерб», «ущерб надлежащей реализации корпоративного управления». Безусловно, в данном случае толкование коррупции в таком смысле, когда речь идет о совершенном умышленно нарушении находящегося под контролем государства процесса корпоративного управления, по-иному определяет ряд фундаментальных аспектов в ходе установления степени социальной опасности данного

явления. Здесь необходимо изначально указать, что управленческая процедура является объектом регламентации в широком перечне правовых областей. И отсюда можно резюмировать итог, согласно которому обязанностью каждого служащего госаппарата является принятие решений, таким образом, когда в основу его будут положены исключительно цели, регламентированные в нормах закона, а свою деятельность данный служащий должен осуществлять только в границах компетенции и в соответствии с требованиями нормативных актов [Шашкова, с.132-136.].

Рассмотренный на страницах данного параграфа подход, не создает условий, для того чтобы понятийная категория «коррупция» рассматривалась исключительно в границах конкретного и максимально опасного поведения, так как все возможные формы стремления к заключению указанного понятия исключительно в строжайшие границы уголовного права, провоцируют активизацию ряда форм коррупционного поведения, которые не попадают под границы влияния уголовного кодекса. И на основании влияния обозначенного факта, должный эффект может быть получен тогда, когда меры антикоррупционного регулирования будут сопровождаться принятием единого законодательного акта.

Максимально продуктивным способом борьбы с коррупцией в настоящее время можно назвать использование обширного спектра инструментов и норм, сосредоточенных в границах российского законодательства.

1.3. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТАХ, РАТИФИЦИРОВАННЫХ РФ

В соответствии с нормативными положениями, предусмотренными в ч. 1 ст. 1 УК РФ, уголовное право России включает в себя исключительно УК РФ. Тем не менее, если базироваться на нормах, предусмотренных в ч. 2 ст. 1 УК РФ, в таком случае можно отметить, что в основе российского

Уголовного права лежит Конституция, а также ряд общепризнанных принципов и норм международного права. Ко всему прочему, если основываться на нормах, предусмотренных в ч. 4 ст. 15 Конституции, в таком случае можем отметить, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры России являются составной частью ее правовой системы. В ситуации, когда в положениях международного соглашения с Россией регламентируется ряд правил, которые отличаются от регламентированных на уровне национального законодательства, в таком случае имеют место быть основания, для того чтобы применять в деятельности правила, предусмотренные положениями международного соглашения. В результате этого ситуация складывается так, когда в силу признания приоритета ратифицированных нашей страной общепринятых международно-правовых норм над российским национальным законодательством, возникает объективная необходимость в производстве детальной аналитической оценки норм, предусмотренных на уровне международного уголовного права [Бадалов, с.21-25].

В роли таковых актов международного уровня для эффективной борьбы с коррупцией во всех формах её проявления выступают следующие документы: программа действий по борьбе с коррупцией, принятая Комитетом министров Совета Европы в ноябре 1996 г., рекомендации 19-й Конференции министров юстиции европейских стран, 21-я конференция министров юстиции европейских стран, Комитет министров Совета Европы от 6 .11. 1997 г. о двадцати руководящих принципах борьбы с коррупцией, резолюция о частичном и расширенном соглашении о создании Группы государств против коррупции (ГРЕКО) и т. д.

В конечном счете, в качестве фундаментального итога реализации указанных законодательных процессов выступило принятие достаточно широкого перечня законов федерального уровня, предполагавших внесение изменений в нормы УК РФ, где регламентировались меры ответственности за преступления, характеризующиеся своей коррупционной составляющей: от

8.12.2003 г. 162-ФЗ от 25.12.2008 г. 280-ФЗ от 27.12.2009 г. 377-ФЗ от 17.06.2010 г. 120-ФЗ от 7.03.2011 г. 26-ФЗ от 4 мая 2011 г. 97-ФЗ от 21.11.2011 г. 329-ФЗ от 7.12.2011 г. 420-ФЗ от 23.07.2013 г. 198-ФЗ от 8.03.2015 г. 40-ФЗ от 3.07.2016 г. 324-ФЗ.

Также потребуется указать, что в рамках решений Пленума Верховного Суда РФ, для того чтобы создать условия, позволяющие единообразным образом применять нормы отечественного уголовного законодательства, множество раз рассматривались вопросы, связанные с обеспечением продуктивности применения норм уголовного права и разработки надлежащей квалификации правовых нарушений, подразумевающих наличие в них коррупционной компоненты. На сегодняшний день не имеется оснований, для того чтобы признать ВС РФ в полной мере соответствующим требованиям, предусмотренным в международных договорах и соглашениях [Шишкарёв, с.47-50].

Таким образом, для того чтобы аргументировать обозначенное выше утверждение, можем обратиться к практической деятельности и указать, что в том случае, когда речь идет об исполнении международных антикоррупционных мер РФ, данный аспект соблюдается в неполной мере при разрешении вопросов, связанных с модернизацией и усовершенствованием национальных уголовно-правовых инструментов в сфере по борьбе с коррупцией.

Четыре принципа по борьбе с коррупцией, отраженные в Постановлении Комитета министров Совета Европы № (97) 24 «О двадцати принципах борьбы с коррупцией», возлагают на страны-участницы обязанность обеспечить конфискацию доходов от коррупции. Данное требование закреплено и в Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (ч. 3 ст. 19 «Санкции и меры»).

Сегодня в России основания, порядок и условия конфискации имущества закреплены в ст. 104.1–104.3 УК РФ, и устанавливаются особым разделом гл. 15.1 УК РФ «Конфискация имущества». Изучив п. «а» ч. 1 ст.

104.1 УК РФ, определяющий перечень преступлений, доходы от которых принудительно конфискуются государством, отметим, что в перечне не содержатся уголовно-правовые нормы, квалифицирующие специфичные виды коррупционных преступлений (ст. 291.2 УК РФ), (ст. 204.2 УК РФ), (ч. 1 ст. 291 УК РФ), (ст. 204.1 УК РФ), (ч. 5 ст. 184.1 УК РФ).

Учитывая принцип законности, отметим что имущество, полученное преступным образом, а также доходы от использования такого имущества, не могут быть конфискованы по причине отсутствия обозначенного выше состава в исчерпывающем перечне пункта «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, где установлен перечень вещей, подлежащих конфискации [Левакин, с.209-213].

Учитывая приоритет ратифицированных Россией международных общепринятых принципов и правовых норм над государственным уголовным правом, а также приоритет взятых Россией на себя обязательств, регламентируемых Советом Европы, для производства конфискации надлежит включить в пункт «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ ч. 5 ст. 184 УК РФ, ст. 204.1, 204.2, 291.1, 291.2 УК РФ. Подобное дополнение статьи 104.1 УК РФ предопределяет максимальное соответствие международным требованиям.

В ст. 2 «Активный подкуп национальных публичных должностных лиц», Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию регламентирует, что каждая из сторон обязана принять необходимые законодательные и иные меры, для выявления и расследования уголовных преступлений, обещаний, предложений или предоставления в прямом или косвенном порядке любым лицом, всевозможных видов безосновательного преимущества со стороны любого из его или ее государственных должностных лиц указанному лицу или любому иному лицу, чтобы предпринять действия или воздержаться от исполнения его или ее функций, на условиях намеренного совершения такого рода действий [Нисневич, с.132-135].

В ч. 1 ст. 1 Конвенции о борьбе с подкупом иностранных публичных должностных лиц, в рамках международного делового взаимодействия на

каждая сторона обязана принять меры для привлечения виновных к соответствующему наказанию за факты умышленного предложения, обещания или предоставления любых видов несанкционированного имущества или иных преимуществ, прямо или через посредников иностранному должностному лицу в пользу такого должностного лица или третьей стороны, если такое должностное лицо в рамках исполнения своих официальных обязанностей принимает меры для извлечения или обеспечения сохранности коммерческого или иного противозаконного преимущества при совершении коммерческой сделки на международной арене.

На уровне международного Уголовного права также установлен перечень аналогичных требований, регламентирующих меры ответственности за преступления, подразумевающие дачу коммерческой взятки, если она передается не руководителю коммерческой или иной организации, а на основании данного им распоряжения в пользу других третьих сторон.

В ст. 7 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, «Активный подкуп в частном секторе» указано, что каждая сторона принимает требуемые законодательные и другие меры для предотвращения и наказания за совершение уголовных преступлений, которые обещают, предлагают или предусматривают, или косвенным образом предполагают при осуществлении любой ненадлежащей деловой активности для любого лица, уполномоченного управлять и осуществлять деятельность в частном секторе на той же или другой должности для себя или иного лица, чтобы эти лица могли совершать действия или принимать меры для воздержания от таких действий в нарушение своих обязанностей [Русанов, с.78-80].

Схожие требования предусмотрены в ряде конвенций международного уровня, определяющих ответственность за «пассивные взятки» государственных и иностранных должностных лиц и «пассивные взятки в частном секторе» (от 3 до 11 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию).

Современное международное уголовное право содержит в себе требования, согласно которым страны-участницы антикоррупционных конвенций, обязаны проводить работу для регламентации уголовной ответственности за коррупционные преступления в национальных правовых системах.

Реализация данного требования была обеспечена в нормах УК РФ после принятия ФЗ от 3 .07. 2016 г. 324-ФЗ, далее эта работа была продолжена в новых редакциях уголовного законодательства регламентирующего меры ответственности за взяточничество (статьи 290, 291 УК РФ) и коммерческий подкуп (статья 204 УК РФ). Содержательная суть реализованных нововведений сводилась к тому, что описательные положения обозначенного уголовного закона, в рамках которых регламентировалось содержание понятия получения и предоставления взятки, а также коммерческого подкупа, были дополнены формулировкой: в том числе случаи передачи взятки иному физлицу или юридическому лицу на основании указания должностного лица (ст. 290 , 291 УК РФ) и в том числе случаи когда по указанию такого лица, осуществляется передача имущества или предоставляются услуги либо имущественные права переходят к иному физлицу или юридическому лицу (ч. 1, 5 ст. 204 УК РФ) [Шашкова, с.168-170].

В результате внесения такого рода изменений, были созданы условия, при которых границы определения взяточничества или коммерческого подкупа в уголовном законе были существенно расширены, в сравнении с предыдущими редакциями уголовного законодательства, определявшего меры ответственности за взяточничество или коммерческий подкуп исключительно тогда, когда передача незаконного вознаграждения осуществлялась должностному лицу или руководителю коммерческой организации, а также в случае, когда его передача осуществлялась в пользу своих родственников и других близких лиц.

Так, в п. 23 постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013 г. №24 (в ред. от 24.12.2019) (далее - «ППВС РФ») сказано, что если должностное лицо осуществляет действия или допускает бездействие в сфере своей деятельности, то передача имущества осуществляется, предоставляются права собственности, оказываются услуги имущественного характера, но они не предоставляются лично ему, его родственникам или друзьям, а иным лицам, включая юридических лиц, и само должностное лицо, также его родственники или иные близкие не извлекают из этого выгоду, данный факт не может рассматриваться в качестве взятки. Если лицо, осуществившее передачу недвижимого имущества, также приняло меры для предоставления имущественных прав, оказания имущественных услуг с целью совершения (бездействия) должностного лица на службе, и оно осознает, что эти ценности предназначались для незаконного обогащения должностного лица или его родственников либо иных близких лиц, совершенные им действия должны рассматриваться как преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 291 или 291. 2 УК РФ.

Укажем, что до момента принятия изменений в УК РФ Пленум ВС РФ не считал взяточничеством случаи, связанные с фактами получения или передачи имущества, предоставления прав имущественного порядка или оказания услуг имущественного характера за совершение должностным лицом действий (бездействия) при исполнении им служебных обязанностей, в случаях, когда права имущественного порядка или услуги предоставляются не ему лично, а иным лицам, включая юридических лиц, а должностное лицо, его родственники или иные близкие лица не имеют от этого никакой выгоды.

Здесь возникают объективные сложности, обусловленные тем, что Пленум ВС РФ занимает такую позицию и после того как уже были внесены изменения в ст. 204, 290, 291 УК РФ, поскольку действующая редакция ст. 23 ППВС РФ от 09.07.2013 г. № 24 остается неизменной, поэтому Верховный суд не расценивает как взяточничество и коммерческий подкуп факты «косвенного» подкупа должностных лиц, поскольку складывается ситуация,

когда материальная выгода должностных лиц и его близких отсутствует. Таким образом, в этой части ППВС РФ от 09.07.2013 г. №24 (в ред. от 24.12.2019 г. № 33) противоречит Международным антикоррупционным конвенциям, а также диспозициям статей 290, 291, и ст. 204 УК РФ, однако суды при уголовно-правовой оценке подобных случаев руководствуются разъяснениями высшей судебной инстанции.

Требуется пересмотреть положения пункта 23 ППВС РФ от 09.07.2013 г. №24 (в ред. от 24.12.2019 г. № 33) от 09.07.2013 г. 24 (в ред. № 33 от 03.12.2013 г.) и привести его содержание в соответствие с требованиями, предусмотренными в международных антикоррупционных конвенциях, ратифицированных Россией, учитывая, что это ясно и однозначно вытекает и из содержания диспозиций ст. 204, 290, 291 УК РФ.

ГЛАВА 2. ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНО–ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

2.1. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО–ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

В данной работе уже не единожды говорилось о том, что современные тенденции, которые прослеживаются в условиях российской объективной действительности, свидетельствуют о том, что именно коррупция во всевозможных формах её проявления не позволяет достичь продуктивного результата при осуществлении мероприятий нацеленных на модернизацию системы государственного и муниципального управления.

В настоящее время результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что степень общественного доверия к бюрократической системе в нашей стране находится на минимальной отметке. В результате в существенной степени осложняется реализация процесса социально-экономического развития, престиж государства стремится к минимальной отметке, вносится деструктивный фактор в процесс функционирования государственные службы России.

В условиях современной объективной действительности исполнительная власть представляет собой такую ветвь власти, где прослеживается наиболее высокий уровень коррупции. Прослеживается наиболее высокий уровень зависимости правовой сферы государства, морального облика страны от деятельности государственных служащих, от объемов растраченных впустую средств из государственного бюджета и прочее. Один из видных политических деятелей современного периода С.С. Сулашкин придерживается позиции, согласно которой на сегодняшний день с точки зрения психология, которую демонстрируют представители современного российского бюрократического аппарата при осуществлении

полномочий и функций в государственной системе, не предполагает реализацию процесса служения обществу, основная цель здесь заключается в том, чтобы получить максимальные привилегии, удовлетворить личные интересы, при этом умаляя интересы общественные и государственные. В результате ситуация складывается так, когда коррупция в настоящее время уже проникла во все без исключения уровни и ветви Государственного аппарата [Ермакова, с. 76-78].

Колоссальный уровень значимости в настоящий момент демонстрирует также проблема, которая заключается в следующем: значительный объем реализуемых сегодня коррупционных схем приходится на долю представителей надзорных и контрольных органов. При этом, как это ни парадоксально, основные ее функции и полномочия, которые реализуют обозначенные органы, заключаются в реализации правоохранительной и антикоррупционной деятельности.

Также Сулакшин отмечает, что в настоящее время на практике чаще всего складываются такие ситуации, когда в роли фундаментальных форм проявления коррупции в области публичного права выступают следующие: могут взыскиваться штрафы и иные платежи, на возмездной основе выдаются разрешения, обеспечивается контроль со стороны государственных органов. В данном случае наиболее негативное влияние оказывается на представителей малого предпринимательства в России.

В рамках нормативных положений ст. 7 ФЗ «О борьбе с коррупцией» регламентируются перечни полномочий, делегированных органам исполнительной власти, а также устанавливаются границы области борьбы с коррупцией. Таким образом, данный закон подразумевает, что аспекты реализации единого курса государственной политики, направленного на борьбу с коррупцией речь идет о процессах функционирования всех без исключения государственных ведомств. Также внимание акцентируется на том, что органы и структуры исполнительной власти наделены полномочиями, позволяющими им принимать меры, призваны для того,

чтобы максимально активно вовлекать государственных служащих в процесс борьбы с коррупцией, а также принимать необходимые меры для формирования отрицательной оценки указанных явлений в обществе. Здесь также потребуются акцентировать внимание на том, что органы исполнительной власти наделены прямыми полномочиями, связанными с решением задачи по разработке максимально продуктивного механизма взаимодействия органов правоохранения и органов государственной власти с парламентскими и общественными комиссиями, гражданскими институтами и гражданами.

Принимая во внимание колоссальную угрозу, которую формирует засилье коррупции с точки зрения обеспечения сохранности национальных интересов, демонстрирует свою актуальность разрешение вопроса, связанного с организацией максимально продуктивной программы антикоррупционных мероприятий для недопущения участия представителей чиновничьего аппарата в коррупциогенных схемах. Осуществляя систематизацию возможных форм коррупции в экономической области деятельности, используя в качестве критерия для классификации особенности взаимоотношений, складывающихся между субъектами хозяйственной деятельности и субъектами власти, представляется возможным установить, что существует две фундаментальные схемы возникновения коррупции:

- 1) Экономический оператор проявляет стремление к тому, чтобы интересующие его вопросы или задачи были решены таким образом, когда они будут явно вступать в противоречие с интересами общества, и для этого экономический оператор ссылается на субъект власти, который якобы преследует собственные экономические интересы, преобразуемые в коррумпированные. При подобном развитии событий решение вопроса принимается, таким образом, когда оно вступает в противоречие с интересами общества, а в роли инициатора коррупционной схемы выступает субъект хозяйственной деятельности;

2) Для того чтобы обеспечить удовлетворение экономического интереса субъекта хозяйственной деятельности, требуется создать условия, при которых субъект власти будет надлежащим образом исполнять свои служебные обязанности, но под влиянием существующего коррумпированного экономического интереса ситуация складывается так, когда данный чиновник отвечает отказом на просьбу осуществить указанные функции, если не получит за это дополнительное вознаграждение. В рамках данной конкретной ситуации в роли инициатора коррупционных отношений уже начинает выступать субъект власти.

При этом необходимо отметить, что условиях реальной объективной действительности для того чтобы получить тысячи штрафов необходимо решить множество проблем. Практический опыт свидетельствует о том, что крупные представители чиновничьего аппарата, замешанные в коррупционных связях, уже разработали весьма продуктивные схемы для легализации доходов полученных преступным путем, в частности в настоящее время организуется процесс вывода капиталов за рубеж, объект собственности и другого имущества регистрируется на других людей.

Одновременно с этим необходимо отметить, что инновационный подход, используемый при определении наказания, создал условия, при которых необычайно были раздвинуты границы судебного усмотрения, и такая ситуация складывается, так как законный судья может принять решение о назначении меры наказания в виде лишения свободы на один год условно, или же назначить штраф в размере 10 млн. руб. даже при совершении преступником существенных коррупционных преступлений. И вместе с тем по итогам производства сравнительной аналитической оценки санкций ст. 204, 290, 291 УК РФ получают результаты, согласно которым в процессе определения меры наказания, предусмотренного за совершенные преступные деяния административной коррупции, пределы усмотрения суда характеризуются очень большей широтой. Данный факт свидетельствует сам

по себе о серьезном коррупционном потенциале. Кроме того, в настоящее время не разработан единый унифицированный подход при определении меры наказания, к которой могут быть привлечены должностные лица и организаторы преступлений коррупционной направленности. В большинстве случаев, практика свидетельствует о том, что по фактам совершения коррупционных преступлений лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой и иной организации (ст. 201, 204 УК РФ) чаще всего используются меры наказания, которые демонстрируют гораздо меньший уровень своей строгости в сравнении с наказаниями, предусмотренными за совершение аналогичных преступлений должностных лиц (ст. 285, 290 УК РФ). В качестве примера Приговор по делу 1-218/2019 от 29 ноября 2019 г., по ч. 2 ст. 290 УК РФ, был признан виновным Алеников А.Н., являясь должностным лицом, получал лично взятки в виде денег, в том числе и в виде иного имущества, в значительных размерах, за совершение действий, входящих в его служебные полномочия, в пользу представляемых взяткодателями лиц, либо Приговор № 1-46/2019 от 29 ноября 2019, ч. 2 ст. 290 УК РФ, Дороган А.А., являясь должностным лицом войсковой части №, 1 и, находясь в служебном кабинете штаба войсковой части № по адресу: _____ действуя из корыстных побуждений, от гражданина Шакирова Д.Д., путем перечислений денежных средств на банковскую карту, через посредников.

По итогам производства сравнительной аналитической оценки санкций статей 169, 170, 289 и ст. 285, 286 УК РФ представляется возможным заключить, что является справедливой и обоснованной оценка законодателем уровня общественной опасности определённых видов экономических преступных деяний коррупционной направленности.

Поэтому законодатель в процессе оценки ряда фундаментальных элементов злоупотребления служебным положением и превышения служебного положения (ст. 285, 286 УК РФ) признаёт их преступлениями средней тяжести, а квалифицированные и особо квалифицированные

вариативные модели такого рода преступных деяний относятся к категории тяжких. Примерами в данном случае могут послужить материалы судебной практики – Приговор по делу 1-282-18 от 13.07.2018, по ч.1 ст.286, ч.2 ст.292 УК РФ, Подсудимый Берестнев Ю.В., занимал должность преподавателя и являлся должностным лицом. Так, Берестнев Ю.В., в период примерно с 08 часов 00 минут до 17 часов 00 минут, находясь в комплектночном отделении механического участка цеха № , расположенного по адресу: _____, обратился к мастеру механического участка цеха № Свидетель №1 с просьбой внесения недостоверных сведений о прохождении указанными лицами в _____ преддипломной практики в объеме 144 часа с <дата> по <дата>, а также приговор по делу - 1-177/2018, от 12.11.2018, по ч.1 ст.286, ч.2 ст.292 УК РФ, Титаренко Г.С., не имея на то соответствующих полномочий, своими умышленными действиями обеспечил постановку на учет и последующую эксплуатацию транспортного средства, не отвечающего требованиям безопасности дорожного движения, подвергнув, тем самым, опасности неопределенный круг лиц.

Преступления, состав которых регламентируется в нормах ч. 1 ст. 169, ст. 170, ст. 289 УК РФ предполагают, что речь идет о преступлениях более высокой степени тяжести; преступление, состав которого регламентирован в нормах ч. 2 ст. 169, - преступление средней тяжести.

В конечном итоге, можно отметить, что в настоящее время существует юридически заниженная оценка уровня опасности для общества и государства преступлений, предусмотренных в рамках нормативных положений ч. 1 ст. 169, ст. 170 и ст. 289 УК РФ в сравнении с преступлениями, составы которых предусмотрены в ст. 285, 286 УК РФ [Галкина, с.3].

Подкуп – представляет собой один из фундаментальных способов, применяемых для совершения преступлений коррупционной направленности. В качестве структурных элементов коррупции выступают такие компоненты, как активный подкуп, факты мошенничества,

совершенного должностными лицами и лицами, наделенными полномочиями по управлению предпринимательской деятельностью. При этом подобная тенденция говорит о том, что налицо явный упадок эффективности деятельности аппарата управления.

Одновременно с этим в роли фундаментального закона, в рамках которого определена формулировка содержания коррупции, допускается существенное сужение предмета одной из подкупающих сторон до лица, которое принимает решение о неправомерном использовании своего «должностного положения», но не служебного.

Принимая во внимание тот факт, что если говорим о взяточничестве, то в таком случае речь идет о присутствии двух сторон, но вместе с тем при определении степени опасности совершенного коррупционного преступления, сторона, в отношении которой были реализованы меры по её подкупу, будет играть ключевую роль. После того как были рассмотрены обозначенные положения, потребуется произвести аналитическую оценку таких видов преступных деяний, которые регламентируются в нормах Уголовного кодекса, как преступления в виде совершения взяток, и посему имеется возможность отнести к категории коррупционных сделок те из них, когда в них осуществлён подкуп стороны по решению должностного лица, в свою очередь осуществляющего указанную деятельность на условиях привлечения для этого своих служебных полномочий и стремясь к достижению корыстных целей. Все исследуемые типы правовых нарушений относят в свою категорию также факты воздвижения препятствий, не позволяющих осуществлять право голоса или затрудняющих деятельность избирательных комиссий, совершая в этих целях подкуп (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ); допущение нарушения порядка финансового обеспечения избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, другой группы участников референдума (ч. 1 ст. 141 УК РФ); использования фальсифицированных избирательных документов, документов референдума,

чтобы получить взятку (ч. 2 ст. 142 УК РФ); противозаконное получение информации ее разглашение в случае если последняя относится к категории коммерческой, налоговой или банковской тайны, в виде взятки (ч. 1 ст. 183 УК РФ); взятки участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих соревнований (ст. 184 УК РФ); взятки (подкупа) в целях дачи ложных показаний или неправильного перевода (ч. 1 ст. 309 УК РФ) [Мельникова, с.30-33].

Рассматривая случай дачи взятки должностному лицу – члену избиркома – необходимо принимать во внимание тот факт, что обозначенные меры не предоставляют члену избиркома или комиссии референдума возможности свободно реализовать делегированные ему полномочия, так как при наступлении обратной ситуации передача имущественных благ должностному лицу для последующего разбирательства подлежит квалификации как преступление в виде подкупа должностного лица по фактам осознанно совершенного деяния противоправного характера (ч. 2 ст. 291 УК РФ). В качестве примера приговор по делу - 1-1-398/2018 от 27.09.2018, по ч. 1 ст. 291.2, ч. 1 ст. 292 УК РФ, 01 февраля 2018 года с 15 часов до 15 часов 30 минут М.М.П. обратился к М.Н.В. с просьбой оказать ему содействие в постановке отметки об успешной сдаче экзамена по дисциплине «Математические основы теории дискретных систем» за 1 семестр 2017-2018 учебного года (5 семестр 3 курса) без его фактической сдачи у доцента кафедры «Информатика и управление в технических системах» БИТИ НИЯУ МИФИ Шумаровой О.С., которая пообещала оказать такое содействие Мирошнику М.П. 02 февраля 2018 года в период с 13 часов до 14 часов у дома ... по улице ... села ... Балаковского района Саратовской области Мирошник М.П. передал М.Н.В. деньги в сумме 1 500 рублей для дальнейшей передачи Шумаровой О.С. в качестве взятки за совершение указанных действий в его пользу. При этом 1 000 рублей предназначались Шумаровой О.С. в качестве взятки в пользу М.М.П., а оставшиеся деньги в сумме 500 рублей М.Н.В. решила оставить себе за свои посреднические

действия. После этого, 02 февраля 2018 года в период с 18 часов до 19 часов, М.Н.В., находясь в городе Балаково, выступая посредником, передала Шумаровой О.С. взятку от М.М.П. в виде денег в сумме 1 000 рублей, перечислив данные денежные средства на ее банковский счет, а Шумарова О.С. в этот же день в вышеуказанный период, находясь в городе Балаково, получила через посредника от М.М.П. указанную взятку в виде денег в сумме 1 000 рублей за постановку отметки об успешной сдаче М.М.П. экзамена по дисциплине «Математические основы теории дискретных систем» за 1 семестр 2017-2018 учебного года (5 семестр 3 курса) без его фактической сдачи. За полученную от М.М.П. взятку, Шумарова О.С. в один из дней в период с 02 февраля 2018 года до 04 февраля 2018 года в городе Балаково, из корыстных побуждений, достоверно зная, что М.М.П. экзамен по дисциплине «Математические основы теории дискретных систем» не сдавал и ему не может быть поставлена отметка об успешной сдаче экзамена по указанной дисциплине за указанный семестр 2017-2018 учебного года, что экзаменационная ведомость аттестации по дисциплине и зачетная книжка М.М.П. являются официальными документами, внесла в экзаменационную ведомость аттестации по дисциплине «Математические основы теории дискретных систем» № 64 з от 31 января 2018 года и зачетную книжку М.М.П. № ... заведомо ложные сведения о том, что М.М.П. сдал указанный экзамен, внося в указанные документы соответствующие записи.

Если речь идет о ситуации, когда взятка передается должностному лицу – члену избиркома – в таком случае указанное деяние должно квалифицироваться по п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ в виду чего необходимость квалификации в соответствии с нормами главы 30 УК РФ здесь отпадает.

В случае совершения уголовно наказуемого преступного деяния, квалификация которого осуществлена по ч. 2 ст. 142 УК РФ - подделка избирательных документов, документов референдума, осуществляя в этих целях подкуп и в присутствии особого лица – члена избиркома или комиссии референдума (членов центральных комиссий РФ, комиссии субъектов РФ,

территориальных и районных комиссий), то в этой ситуации налицо явный перечень симптомов, свидетельствующих о реализации коррупционной схемы. И вместе с тем, даже если используемый метод демонстрирует какие-либо отличия от стандартного метода, в частности речь идет о случаях принуждения, использования насильственных методов или угрозы их использования, методах уничтожения собственности или угрозы их уничтожения или применение других способов, в таком случае речь идет о субъекте, подделывающем подписи избирателей, участников референдума в поддержку выдвижения, для проведения референдума или удостоверения заведомо подделанных подписей, во всех этих случаях присутствуют явные признаки коррупционного преступления, однако о них ничего не говорится в нормах ФЗ «О противодействии коррупции».

В дальнейшем, для того, чтобы деяние, квалифицируемое по ч. 2 ст. 142 УК РФ можно было рассматривать в качестве преступления коррупционной направленности, необходимо внести дополнение в ФЗ «О противодействии коррупции», в котором речь идет о наличии соответствующего субъекта – должностного лица и способе взятничества, иными словами о предоставлении материальной выгоды должностному лицу – члену избиркома или комиссии референдума.

Если допускается совершение преступления коррупционной направленности, квалифицированного по статьям 141.1, 183, 184, 309 УК РФ, когда речь идет о том, что лицо, в отношении которого реализованы меры подкупа, не является должностным лицом и в соответствии с этим оно не обладает необходимыми ресурсами, для того чтобы использовать должностное положение и поэтому отсутствуют основания, по которым данное деяние может быть причислено к категории преступлений, совершенных путем подкупа в отношении лица, в корыстных целях использующего возможности своего должностного положения [Васильева, с. 20-25].

В качестве исключения в анализируемой ситуации может выступить лицо, которое обладает информацией относящейся к категории коммерческой, банковской и налоговой тайны, но не под влиянием подталкивающих его интересов личного порядка, деловых услуг или бизнеса, а в силу того, что на него возложена обязанность по осуществлению официальных действий в ходе функционирования государственных структур, в частности, такое лицо может быть наделено полномочиями в рамках налоговой службы или в рамках исполнения служебных обязанностей в ходе функционирования ОВД. В данной ситуации содеянное квалифицируется соответствии с нормами, предусмотренными в ст. 183 УК РФ и субъектом может быть должностное лицо.

Все другие виды преступных деяний, для совершения которых использовался метод подкупа (ст. 141.1, 184, 309 УК РФ), совершенные специальным субъектом, не соответствуют обозначенным ранее в работе признакам коррупции. Кроме того, здесь складывается такая ситуация, когда речь идет о различных типах подкупа в политике, спорте, в области правосудия.

При совершении преступления в виде подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184 УК РФ), если рассматривать данное деяние как преступление получателей незаконного вознаграждения, в соответствии с этим, здесь имеет место быть процесс вовлечения лиц, принимающих участие в профессиональных спортивных состязаниях или зрелищных коммерческих конкурсах в коррупционные схемы. Согласно нормативным положениям, предусмотренным в ст. 2 ФЗ от 4.12.2007 г. N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ» профессиональный спорт представляет собой один из видов предпринимательской деятельности, основная цель его реализации заключается в том, чтобы создать условия для максимального удовлетворения интересов профессиональных спортивных организаций, спортсменов, избравших спорт в качестве вида своей спортивной

деятельности, и зрителей. Профессиональные спортсмены – здесь речь идет о лицах, которые рассматривают спорт в качестве основного вида своей деятельности, получающих по контракту определенный объем заработной платы и иные виды вознаграждения в денежной форме, получаемых в процессе их подготовки и принятия непосредственного участия в проведении спортивных соревнований. В категорию зрелищных профессиональных соревнований необходимо отнести те из них, что осуществляются в рамках проявления деловой активности и привлекают большое количество зрителей. Также при наступлении ситуации, когда подкупленная сторона в ней будет являться кандидатом, исполняющим управленческие функции в деятельности коммерческой или иной организации, то в этом случае он не обладает необходимыми возможностями, которые бы позволили ему тем или иным образом применить своё служебное положение. И по этой причине принимая во внимание тот факт, что в федеральном законе о борьбе с коррупцией присутствуют прямые указания, рассмотренные выше ситуации нельзя расценивать как акты реализации коррупционных схем [Арямов, с.52-55].

При квалификации состава преступления «Подкуп, принуждение к даче показаний, или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу» (ст. 309 УК РФ), в ходе установления адресата подкупа очевидно, что сюда можно отнести свидетелей, потерпевших, экспертов, специалистов, переводчиков. Поэтому справедливой является постановка вопроса о том, могут ли обозначенные субъекты признаваться занимающими должностное положение. Безусловным здесь также является тот факт, что сомнения могут возникать исключительно в отношении экспертов и специалистов. Даже если условиться на том, что обозначенные субъекты могут выступать в качестве сотрудников государственных органов, даже в этой ситуации им не делегируются полномочия административного, экономического порядка при реализации данного процесса, их функция подразумевает исключительно высказывание своей позиции в той или иной сфере деятельности. Основная цель в анализируемой ситуации зависит от того, какую роль они играют в

рамках проведения процессуального производства. Данные субъекты не получили официального статуса при организации и реализации уголовного и гражданского судебного производства. Специалист, который обладает обширными познаниями в определённой области, и принимает участие в реализации уголовного или гражданского судебного производства, в этих целях занимающиеся проведением профессиональный организованных научно-исследовательских мероприятий, в анализируемой ситуации не наделен никакими полномочиями по исполнению организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций. Именно такую позицию озвучил при рассмотрении данного вопроса профессор Б.В. Волженкин.

Используя логический метод, получаем возможность объединения терминологической категории «официальный статус» с термином «статус», и посему в данной версии преступного деяния, квалификация которого осуществлена в рамках ст. 141.1, 184, 309 УК РФ, субъект не будет должностным лицом, так как кандидат, член избиркома (ст. 141.1), спортсмен, спортивный судья и тренер (ст. 184) не занимают должности, не являются экспертами и специалистами (ст. 309), на них также не возлагается обязанностей должностного лица. В целом обозначенный вариант рассматривается как наиболее привлекательный по причине того, что сам по себе факт отсутствия должности ведет к отсутствию должностного преступления.

Основываясь на всех представленных выше фактах, можно отметить, что существующая сегодня концепция коррупции обуславливает возникновение множества вопросов и критических замечаний. Применение терминологической категории «официальная позиция» наложило существенные ограничения на границы его значения, так как в данном случае существенное число коррупционных проявлений в различных областях жизнедеятельности выбивается за границы определения, закрепленного на уровне законодательного акта. Рассмотрев данный вопрос, можно отметить,

что подобные тенденции можно трактовать как положительные с точки зрения законодателя, поскольку таким образом он предпринимает попытки акцентировать внимания на том, что коррупция сегодня проникла во все без исключения ветви и уровни власти. Одновременно с этим в данном подходе прослеживается явная непоследовательность, так как терминологическая категория «коррупция» сосредотачивает в границах своего содержания такие элементы, как коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями в коммерческой и иной организации, и все они явно никоим образом не соприкасаются с интересами государственной службы.

В рамках действующего уголовного права отмечается существование следующей позиции о том, что коррупционные преступления – в первую очередь подразумевают под собой совершение определённых действий нацеленных на нарушение интересов государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления силами должностного лица, которое наделено определёнными полномочиями и использует их в корыстных или иных личных интересах. Данный факт свидетельствует о том, что указанные лица, в сущности, остаются в недобросовестном управлении. И, тем не менее, коррупция представляет собой многогранную категорию, которая на сегодняшний день проникла и в частный сектор. В преамбуле к Конвенции ООН против коррупции 2003 г. даны четкие пояснения, в рамках которых максимальная явно очерчены сферы проявления коррупции. Кроме того, здесь говорится о том, что на сегодняшний день имеет место быть объективная необходимость в использовании комплексного подхода, так как только таким образом будут созданы условия для предупреждения раскрытия коррупционных схем во всех без исключения областях деятельности. Резюмируя итог настоящего параграфа, можно вспомнить высказывание главы государства о том, что продуктивная борьба с коррупцией не может быть реализована на практике, если в данный процесс не будут также активно вовлекаться представители гражданского общества. По этой причине можно отметить, что в настоящее

время значимость государственных органов на всех без исключения уровнях подразумевает не только простое выслушивание информации равнодушных граждан, но и принятие продуктивных мер для привлечения патриотических и конструктивных активистов к антикоррупционным действиям. На сегодняшний день практика свидетельствует о том, что именно растрата, а не коррупция зачастую идут в ногу с коррупцией. Такого рода примеров можно представить максимально широкий список. И поэтому в данном случае колоссальную роль играет продуктивная деятельность представителей гражданского общества.

Степень продуктивности уголовно-правовых мер в области борьбы с коррупцией не может быть достаточно высокой, если не будет создано и постоянно поддерживаться антикоррупционное состояние общества (на региональном, национальном и глобальном уровне). Мероприятия по борьбе с коррупцией должны выступить в качестве постоянной задачи, решение которой надлежит обеспечить при реализации курса экономической политики страны, при этом определяя наиболее оптимальные решения такого рода проблемы, в качестве основы должны выступить меры экономического порядка, при этом потребуются также принять во внимание правовые и морально-этические аспекты такой глобальной проблемы.

2.2. ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

С точки зрения условий российской объективной действительности на сегодняшний день в нашей стране преобладает такой метод антикоррупционной деятельности, как расследование преступлений и опубликование его результатов. Здесь необходимо акцентировать внимание на том, что за истекшие несколько лет в большинстве случаев привлекают к ответственности высокопоставленных чиновников за преступления,

подразумевающие реализацию тех или иных коррупционных схем. Для подтверждения обозначенного высказывания обратимся к практике и рассмотрим случай, когда в конце 2016 года был задержан министр экономики А. Улюкаев, обвиненный в получении особо крупной взятки в размере не менее 2 млн. долларов. Также можно рассмотреть дело бывшего министра транспорта и дорожного строительства Камчатки В. Силукова (злоупотребление служебными полномочиями и участие, при отсутствии законных оснований, в предпринимательстве, в результате чего данные действия спровоцировали нанесением бюджету ущерба на сумму более 109 млн. руб.). Дело бывшего директора департамента здравоохранения Тульской области Э. Юдина (хищение). Как это ни прискорбно, но начатый список можно расширять практически до бесконечности.

На сегодняшний день складывается такая ситуация, когда во многих публикациях и при производстве широкого перечня юридических исследований, максимально интенсивно используются терминологическая категория «коррупция». Анализируя данные источники, можно сделать вывод о том, что коррупция рассматривалась в качестве одной из наиболее актуальных и существенных проблем во всех без исключения мировых государствах. Учёные и представители научно-практического общества, рассматривая данное явление, дают ему порой кардинально отличающиеся друг от друга оценки. В большинстве случаев ученые понимают под коррупцией один из наиболее существенных социальных рисков, который оказывает деструктивное воздействие на процессы общественного развития. При этом в некоторых источниках научной литературы, в которых рассматриваются вопросы коррупции, озвучена абсолютно иная позиция, согласно которой коррупция представляет собой положительное явление и обусловлено оно объективными факторами. Для полноты настоящего исследования и в рамках его контекста нам необходимо произвести детальный анализ обозначенных высказываний.

Кроме того, в данном случае является деструктивным и то, что представители чиновничьего аппарата, замешанные в коррупционных связях осуществляют свою противоправную деятельность, в первую очередь для того чтобы удовлетворить личные корыстные интересы, или интересы определенной группы людей, что оказывает значительное негативное воздействие и во многом осложняет процесс развития государства. Именно путем использования средств, полученных преступным путем, чиновники и выстраивают дорогие дома, приобретают себе и своим детям автомобили экстра-класса, несколько раз в год посещают самые дорогие курорты и прочее [Быков, с. 114-116].

Существует еще один не менее значимый момент, в силу которого коррупция является в настоящее время таким фактором, который оказывает максимально деструктивное воздействие на социальный сектор. В настоящее время в России складывается такая ситуация, когда коррупция проникла в бюрократический механизм и условиями для такого столь глубокого проникновения явились повсеместные взятки, комиссионные, факты злоупотребления властными полномочиями и т.д. Каждый из нас слышал истории о том, что родители не могли устроить ребенка в детский сад, так как руководитель этого учреждения требовал определенную сумму денежных средств от родителей ребёнка, в виду того что был осведомлён об их достаточно хорошем материальном положении. И именно таким образом, желаемого родители начинают рассматривать коррупцию как нечто нормальное. Аналогичная ситуация складывается и в других областях, в частности представитель чиновничьего аппарата может получить «откат», из-за этого он выдаст в отсутствие необходимых оснований разрешение своим знакомым на выполнение выгодного заказа на производство той или иной продукции, в результате чего действительно достойный исполнитель, который использует передовые технологии, вкладывает душу в свою продукцию лишается возможности выполнения этого заказа.

На сегодняшний день все мировые государства, демонстрирующие высокий уровень своего социально-экономического развития используют в своей деятельности концепцию устройства государства, которая подразумевает вознесение на вершину пирамиды значимости идеи максимального удовлетворения интересов и потребностей граждан своей страны, привлекая в этих целях должностных лиц разных уровней. В настоящий момент государственная служба представляет собой один из наиболее существенных видов деятельности, который реализуется от имени государства. Если рассмотреть содержательную суть и фундаментальные принципы, которые лежат в основе современной государственной службы, можно отметить, что речь идет, прежде всего, об обеспечении власти для народа. Если представитель чиновничьего аппарата в ходе выполнения возложенных на него полномочий, служить не только государству непосредственно, но и его народу в целом общественной системе. [Воронин, с.210-215].

Для того чтобы искоренить коррупцию в нашей стране в настоящее время имеет место быть объективная необходимость разработки концепции мультиответственности. Данная концептуальная теория подразумевает под собой внедрение обширного перечня мер ответственности, к которой могут быть привлечены нарушители в дополнение к базовым уголовным санкциям. На сегодняшний день в России складывается такая ситуация, когда как минимум 20% преступлений, квалифицированных в нормах Уголовного кодекса и в нормах КоАП РФ являются параллельными, и поэтому формируется благодатная основа для развития и реализации на практике коррупционных схем. Административные правонарушения с коррупционной компонентой, регламентируется в нормах действующего КоАП РФ и предполагают следующее:

- 1) нарушение в виде подкупа избирателей, участников референдума (статья 5.16);

- 2) нарушение в виде обеспечения незаконного вознаграждения от имени юридического лица (статья 19.28);
- 3) нарушение в виде трудоустройства госслужащего (бывшего госслужащего) (ст. 19.29).

Преступные нарушения коррупционного порядка включают такие виды опасных для общества деяний, как:

- создание барьеров для реализации избирательных прав или процесса функционирования избирательных комиссий в случае совершения соответствующего правонарушения путем подкупа;
- использование незаконных способов для получения и разглашения информации, которая относится к коммерческой, налоговой или банковской тайне, в случае получения взятки;
- дача и получение незаконных выгод имущественного характера участниками и организаторами профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих соревнований;
- коммерческий подкуп
- создание преступной организация (преступного сообщества) для совершения тяжких и особо тяжких преступлений коррупционной направленности;
- получение взятки;
- дача взятки;
- посредничество во взяточничестве или коммерческом подкупе;
- подкупа или принуждение к даче показаний, или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу [Мальчикова, с.100-108].

В роли фундаментального критерия, по которому может быть проведена грань между коррупционными правонарушениями и коррупционными преступлениями, выступает наличие или отсутствие общественной опасности содеянного. Поэтому взятка может быть получена исключительно должностным лицом, как это предусмотрено в нормах действующего национального законодательства. И вместе с тем, каждый

предприниматель должен осуществлять свою предпринимательскую деятельность, таким образом, когда этот процесс не будет предполагать незаконного вознаграждения третьих лиц. Тогда как для муниципальных и государственных служащих, не являющихся должностными лицами, нельзя назвать достаточной мерой наказания простое дисциплинарное взыскание, которое последует по фактам получения в отсутствие законных оснований вознаграждения, обусловленного корыстным исполнением или неисполнением им служебных обязанностей. Для того чтобы решить этот вопрос имеет место быть необходимость включения ст. 19.32 «Получение незаконных выгод имущественного характера государственным или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом». В ситуации, когда такое виновное лицо будучи подвергнутым административному взысканию, совершит аналогичное деяние, оно должно привлекаться к уголовной ответственности. Для чего необходимо дополнить УК РФ статьей 290.1 «Получение незаконного вознаграждения государственным или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, неоднократно».

Основная содержательная суть проблематики множественной ответственности не предполагает лишь сочетание разнообразных видов санкций. Сюда также необходимо включить новый вопрос, касающийся применения мер ответственности за совершение преступных деяний коррупционной направленности в отношении физических и юридических лиц. В категорию административных правовых нарушений необходимо также отнести и юридических лиц (ст. 19.28 КоАП). Для того чтобы ликвидировать условия, при которых могут развиваться межотраслевые конфликты, основаниями для возбуждения производства против юридического лица по фактам передачи в отсутствие законных оснований денежных средств и ценных бумаг, иных видов активов должностному лицу или управленцу коммерческого предприятия или другой организации, должно применяться судебное решение о привлечении физического лица к

уголовной ответственности по ст. 204 УК РФ или ст. 291 УК РФ. Одновременно юридические лица должны привлекаться к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ. Санкция указанной статьи должна содержать в себе и альтернативные варианты возможных административных и юридических последствий. Необходимо обеспечить значительное расширение и самого перечня возможных штрафных санкций (ст. 3.2 КоАП) [Петренко, с. 204-206].

Резюмируя итог настоящего параграфа, можно вспомнить высказывание главы государства о том, что продуктивная борьба с коррупцией не может быть реализована на практике, если в данный процесс не будут также активно вовлекаться представители гражданского общества. По этой причине можно отметить, что в настоящее время значимость государственных органов на всех без исключения уровнях подразумевает не только простое выслушивания информации равнодушных граждан, но и принятие продуктивных мер для привлечения патристических и конструктивных активистов к антикоррупционным действиям. На сегодняшний день практика свидетельствует о том, что именно растрата, а не коррупция зачастую идут в ногу с коррупцией. Такого рода примеров можно представить максимально широкий список. И поэтому в данном случае колоссальную роль играет продуктивная деятельность представителей гражданского общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном исследовании были рассмотрены уголовно-правовые аспекты борьбы с коррупцией. Проведенное исследование позволяет нам сделать следующие выводы.

Наиболее правильной, на наш взгляд, является позиция, согласно которой комплекс мер по борьбе с коррупцией должен разрабатываться на основе фундаментальных принципов провозглашенных в ст. 3 ФЗ «О противодействии коррупции»: признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина; принцип законности; принцип гласности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления; принцип обязательного привлечения к справедливым мерам ответственности в случае выявления фактов, свидетельствующих о совершении правонарушения коррупционного характера; принцип комплексности при использовании различных видов мер предупреждения коррупционного поведения; принцип преобладания, в рамках практической деятельности, мероприятий, нацеленных на профилактику и предупреждение коррупции; принцип сотрудничества государственных органов в деятельности по противодействию коррупции с институтами гражданского общества, международными организациями и частными лицами.

Изучив закрепленное в нормах ФЗ «О противодействии коррупции» определение коррупции, можем отметить, что здесь не обеспечен должный учёт широкого спектра форм проявления коррупционного поведения, поэтому при определении содержательной сути коррупции должен соблюдаться принцип комплексности. Толкование выгоды в качестве одного из объектов коррупции, в рамках анализируемого определения, демонстрирует несоответствие этого понятия категориям, отражённым в специальных нормах Особенной части УК РФ (в частности, в статье 290 УК РФ – содержание предмета взятки). В нормах действующей редакции УК РФ предусмотрен состав превышения должностных полномочий, а не только

злоупотребления такими полномочиями, однако в статье первой Федерального закона «О противодействии коррупции» отсутствует ст. 286 УК РФ в перечне коррупционных преступлений, хотя должностные лица в корыстных целях зачастую не только используют свои должностные полномочия, но и превышают их. Представляется целесообразным дополнить ст.1 ФЗ «О противодействии коррупции» указанием на статью 286 УК РФ - Превышение должностных полномочий, в части, касающейся перечня преступлений коррупционной направленности.

При проведении мероприятий направленных на борьбу с коррупцией, необходимо учитывать причины, провоцирующие значительное повышение коррупционных рисков в области государственного и муниципального управления: недостаточно продуктивный механизм нормативно-правовой регламентации процесса оказания услуг в анализируемой сфере; высокая степень формализма, которая прослеживается при разработке должностных инструкций государственного (муниципального) служащего; невысокий уровень доходов, получаемых государственным и муниципальным служащим; несовершенная система оплаты труда; невозможность раскрыть свой творческий потенциал; невозможность продвижения по карьерной лестнице; невыполнение требования о непрерывном профессиональном развитии.

По мнению представителей научного сообщества, на сегодняшний день в целях повышения эффективности мероприятий по борьбе с коррупцией в системе государственного и муниципального управления необходимо реализовать на практике следующий ряд рекомендаций: расширение спектра предоставляемых услуг в электронном виде, в целях как можно более полного исключения прямого контакта с теми, кому эти услуги оказываются; на уровне федерального законодательства, по согласованию с профсоюзными органами требуется разработать типовые положения о системе оплаты труда государственных (муниципальных) служащих; требуется также исключить возможность приема на работу лиц не из кадрового резерва для

руководителей, и основных групп должностей государственной службы. Процедура приема на высшие, руководящие и основные должности должна осуществляться только по итогам проведенных отборочных мероприятий. Аналогичные требования необходимо соблюсти и при приеме работников на замещение руководящих управленческих и основных должностей в сфере коммунального обслуживания.

Для того чтобы искоренить коррупцию в нашей стране в настоящее время имеет место быть объективная необходимость разработки концепции мультиответственности. Данная концептуальная теория подразумевает под собой внедрение обширного перечня мер ответственности, к которой могут быть привлечены нарушители в дополнение к базовым уголовным санкциям.

В нормах КоАП РФ необходимо предусмотреть ответственность работодателя в случае выявления фактов нарушения требований по организации дополнительного образования государственных (муниципальных) служащих на условиях периодичности не менее одного раза в три года. Административным наказанием при этом должна выступать дисквалификация на срок не менее 1 года.

Основная содержательная суть проблематики множественной ответственности не предполагает лишь сочетание разнообразных видов санкций. Сюда также необходимо включить вопрос, касающийся применения мер ответственности за совершение преступных деяний коррупционной направленности как физических, так и юридических лиц. Для того чтобы ликвидировать условия, при которых могут развиваться межотраслевые конфликты, юридические лица за передачу, при отсутствие законных оснований, денежных средств и ценных бумаг, иных видов активов должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, должны привлекаться к административной ответственности по ст. 19.28 КоАП РФ, а виновные физические лица - к уголовной ответственности по ст. 291 УК РФ или ст. 204 УК РФ. Санкция статьи 19.28 КоАП РФ должна содержать в себе и

альтернативные варианты возможных административных наказаний. Необходимо предусмотреть значительное ужесточение штрафных санкций.

Основания, порядок и условия уголовно-правовой конфискации имущества закреплены в ст. 104.1–104.3 УК РФ, расположенных в гл. 15.1 УК РФ «Конфискация имущества». Изучив п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, определяющий перечень преступлений, доходы от которых принудительно конфискуются государством, отметим, что в нем отсутствуют некоторые виды коррупционных преступлений (ст. 291.2 УК РФ), (ст. 204.2 УК РФ), (ч. 1 ст. 291 УК РФ), (ст. 204.1 УК РФ), (ч. 5 ст. 184.1 УК РФ). Представляется, что это недостаток ст. 104.1 УК РФ, который необходимо устранить, дополнив перечень преступлений, предусмотренных в п. «а» данной статьи указанными видами коррупционных преступлений. Такое решение будет соответствовать и рекомендациям Совета Европы по вопросам конфискации имущества, полученного в результате совершения преступлений коррупционной направленности.

Требуется пересмотреть положения пункта 23 ППВС РФ от 09.07.2013 г. № 24 (в ред. от 24.12.2019 г. № 33) и привести его содержание в соответствие с требованиями, предусмотренными в международных антикоррупционных конвенциях, ратифицированных Россией, и диспозициями статей 204, 290 и 291 УК РФ.

Однако эффективная борьба с коррупцией возможна только при активном взаимодействии государства и общества. Важны действия всех институтов гражданского общества, от мер прямого педагогического (образовательного) характера до более эффективного правового воспитания. В повышении общей культуры граждан принцип правового воспитания является неотъемлемой частью борьбы с коррупцией. Только на основе всестороннего сотрудничества можно будет снизить уровень коррупции в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Официальные документы и нормативные акты

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
2. "Конвенция против транснациональной организованной преступности" (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000).
3. "Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию" (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999).
4. "Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции" (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН)
5. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019).
6. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019).
7. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2020).
8. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 24.04.2020) "О противодействии коррупции"
9. Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 31.07.2020) "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации".
10. Федеральный закон от 21.07.1997 N 114-ФЗ (ред. от 31.07.2020) "О службе в таможенных органах Российской Федерации".

11. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 31.07.2020) "О государственной гражданской службе Российской Федерации".

12. Федеральный закон от 02.03.2007 N 25-ФЗ (ред. от 31.07.2020) "О муниципальной службе в Российской Федерации".

13. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 31.07.2020) "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд".

14. Федеральный закон от 30.11.2011 N 342-ФЗ (ред. от 31.07.2020) "О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации".

15. Федеральный закон от 08.05.1994 N 3-ФЗ (ред. от 24.04.2020) "О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации".

16. Указ Президента РФ от 21 июля 2010 г. № 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 30. Ст. 4070.

17. Указ Президента РФ от 01.04.2016 N 147 "О Национальном плане противодействия коррупции на 2016 - 2017 годы".

18. Указ Президента РФ от 29.06.2018 N 378 "О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 - 2020 годы".

Монографии и учебная литература

19. Амара, М. И. Противодействие коррупции в Российской Федерации. Библиография (1991—2016 гг.) / М. И. Амара, Ю. А. Нисневич, Е. А. Панфилова. — М.: Издательство Юрайт, 2017. — 284 с.

20. Бугаевская Н.В. Коррупционные преступления: виды и особенности субъекта. М.: Юрлитинформ, 2015.

21. Васильева, В. М. Государственная политика и управление: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / В. М. Васильева, Е. А. Колеснева, И. А. Иншаков. — М.: Издательство Юрайт, 2017. — 441 с.

22. Довгяло В.К. Современные механизмы противодействия коррупции в сфере образования [Электронный ресурс]: курс лекций / В.К. Довгяло, Н.В. Коршунова. — Электрон. текстовые данные. — Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2015. — 149 с.

23. Квалификация коррупционных преступлений в сфере экономики: курс лекций / А.В. Быков, Е.А. Загрядская, В.С. Изосимов, Мартыанов В.С. и др. М.: Юнити-Дана, 2015.

24. Нисневич, Ю. А. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса: монография / Ю. А. Нисневич. — М.: Издательство Юрайт, 2017. — 240 с.

25. Противодействие коррупции : учебник и практикум для академического бакалавриата / И. В. Левакин, Е. В. Охотский, И. Е. Охотский, М. В. Шедий ; под общ. ред. Е. В. Охотского. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 367 с. —

26. Русанов, Г. А. Противодействие легализации (отмыванию) преступных доходов: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / Г. А. Русанов. — М.: Издательство Юрайт, 2017. — 157 с.

27. Румянцева, Е. Е. Противодействие коррупции : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Е. Е. Румянцева. — М.: Издательство Юрайт, 2017. — 267 с.

28. Шатов С.А. Соучастие в преступлении [Электронный ресурс]: учебное пособие / С.А. Шатов. — Электрон. текстовые данные. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. — 215 с.

29. Шашкова, А. В. Правовое регулирование противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / А. В. Шашкова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2017. — 272 с.

30. Шишкарёв С.Н. Законодательное обеспечение борьбы с коррупцией. Международный и российский опыт [Электронный ресурс]:

монография / С.Н. Шишкарёв. — Электрон.текстовые данные. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 55 с.

Научные статьи

31. Агапова, Г. Г. Актуальные вопросы борьбы с коррупцией в уголовном праве / Г. Г. Агапова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 1 (239). — С. 101-103.

32. Алферовская, Е.О. О значении понятия «преступление коррупционной направленности» [Текст] / Е.О. Алферовская // Закон и право. - 2016. - № 2. - С. 106-110.

33. Арямов, А.А. Проблемы применения института конфискации имущества как средства противодействия коррупции [Текст] / А.А. Арямов, Е.О. Руева // Российский следователь. - 2017. - № 3. - С. 52-55.

34. Боровиков Валерий Борисович, Боровикова Виктория Валерьевна Уголовно-правовые аспекты противодействия коррупции в современных условиях // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. №4.

35. Братановский С. Н., Зеленев М. Ф. Виды и особенности мер по противодействию коррупции на государственной и муниципальной службе [Текст] / С.Н. // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 2. С. 34–39.

36. Братановский, С.И. Необходимость системного подхода к противодействию коррупции на государственной и муниципальной службе [Текст] / С.И. Братановский, М.Ф. Зеленев // Государство и право. - 2017. - №1. - С. 103-106.

37. Быков Владимир Владимирович, Прокопович Галина Алексеевна Уголовно-правовая основа противодействия коррупции // БГЖ. 2016. №4(17).

38. Васильев, С.А. Формы, направления и способы антикоррупционного мировоззрения [Текст] / С.А. Васильев, С.С. Зеленин // Юридический мир. - 2015. - № 3. - С. 20-25.

39. Волчанская, А.Н. Юридическая природа возникновения коррупции и исторические аспекты формирования антикоррупционного законодательства в дореволюционной России [Текст] / А.Н. Волчанская // История государства и права. - 2018. - № 3. - С. 24-28.

40. Воронин С.А. Причины и условия коррупционных преступлений сотрудников правоохранительных органов //Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5 № 2 (15). С. 211-215.

41. Галкина Е.В. Национальная стратегия - программа противодействия коррупции в России // Общество: политика, экономика, право. 2015. № 5. С. 3.

42. Данакари, Руссо Ричарди. Меры противодействия коррупции в сфере государственного и муниципального управления / Руссо Ричарди Данакари, П. М. Омарова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 11 (115). — С. 1275-1277.

43. Егиян А.М. Проблемы квалификации объективной стороны посредничества во взяточничестве // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5 № 1 (14). С. 176-179.

44. Ермакова, Е. В. Противодействие коррупции в сфере публичного права / Е. В. Ермакова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 37 (171). — С. 76-78.

45. Зверева, Н.П. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд [Текст] / Н.П. Зверева // Российский следователь. - 2017. - № 24. - С. 16-18.

46. Киселев, С.Г. Антикоррупционная составляющая правового статуса госслужащего [Текст] / С.Г. Киселев // Проблемы права. - 2016. - № 3. - С. 94-97.

47. Кислый, О.А. Коррупция как реальная угроза национальной безопасности [Текст] / О.А. Кислый // Закон и право. - 2017. - № 12. - С. 28-30.

48. Кондратьев, Ю.А. Либеральная концепция борьбы с коррупцией: qui prodest? [Текст] / Ю.А. Кондратьев // Российский следователь. - 2017. - № 24. - С. 38-40

49. Коррупция и противодействие коррупции в России /С.В. Мальчикова, С.А. Костикова, С.А. Оскилко, О.Ю. Сидорова //Евразийское научное объединение.2015. № 3 (3). С. 158 -170.

50. Липинский, Д.А. К вопросу о понятии коррупционного правонарушения [Текст] / Д.А. Липинский // Юридическая наука и правоприменительная практика. - 2017. - № 3. - С. 100-108.

51. Марасов, Ю.Г. Контроль за расходами отдельных должностных лиц как одна из основных мер профилактики коррупции [Текст] / Ю.Г. Марасов // Российский судья. - 2018. - № 4. - С. 22-26.

52. Мельникова, Н.А. Конфликт интересов в системе мер профилактики коррупции на правоохранительной службе [Текст] / Н.А. Мельникова, С.В. Крижановский // Российский следователь. - 2015. - № 23. - С. 30-33.

53. Михайлов, В.И. Уголовная ответственность в механизме противодействия коррупции [Текст] / В.И. Михайлов // Российский следователь. - 2017. - № 24. - С. 43-47.

54. Муратшина, С. Н. Противодействие уголовному преследованию по коррупционным преступлениям: проблемы и пути их решения / С. Н. Муратшина. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы права : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). — Москва : Буки-Веди, 2015. — С. 242-245.

55. Петренко, А. К. Совершенствование нормативных основ противодействия коррупции в РФ / А. К. Петренко. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2018. — № 52 (238). — С. 204-206.

56. Петренко Н.И. Проблемы совершенствования правовых основ антикоррупционной политики государства // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 2. С. 2.

57. Сакулина Л.Л., Ершов Я.Н. Правовые аспекты административной ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 6. С. 145.

58. Шапошникова А.Ю. Противодействие коррупции органами прокуратуры Российской Федерации посредством проведения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов // Молодой ученый. 2019. № 21. С. 440-441.

Материалы судебной практики

59. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 24.12.2019) // СПС Консультант Плюс.

60. Приговор № 1-1-398/2018 1-398/2018 от 27 сентября 2018 г. по делу № 1-1-398/2018 [Сайт] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PlCv56BpPPQT/>

61. Приговор № 1-282/2018 от 13 июля 2018 г. по делу № 1-282/2018//[Сайт] URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8z74Hku913Qh/>

62. Приговор № 1-46/2019 от 29 ноября 2019 г. по делу № 1-46/201 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dMiUfbY2usLj/>

63. Приговор № 1-177/2018 от 12 ноября 2018 г. по делу № 1-177/2018 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hfBdczMNxRJR/>